ПРЕДЧУВСТВИЯ ЕЕ НЕ ОБМАНУЛИ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Анфиса и Женька

Татьяна Полякова

Предчувствия ее не обманули

«Эксмо»
2008

Полякова Т. В.

Предчувствия ее не обманули / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2008 — (Анфиса и Женька)

ISBN 978-5-699-30190-4

Предчувствия ее не обманули! Ох, чуяло Женькино сердце: не жди добра от нежданно-негаданно свалившегося на голову наследства. Дальняя родственница завещала фазенду в деревне. Женька и ее подруга Анфиса поехали оценить наследство, и попали в дом… с привидением. В первую же ночь оно их и побеспокоило. Местные жители называют это место «нехорошим». Но самое страшное случилось, когда сосед открыл заколоченную дверь в одну из комнат. Вместо клада подруг ждал в подполе не очень приятный сюрприз… А утром Женька и Анфиса обнаружили, что их «сюрприз»… исчез. Зато за забором появился еще один… И надо бы уехать подальше от гиблого места, но – любопытство сгубило кошку. Расследование началось…

ISBN 978-5-699-30190-4

© Полякова Т. В., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

* * * 5
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Предчувствия ее не обманули

* * *

Ромка, услышав звонок, пошел открывать дверь, едва заметно вздохнув. Но, поняв, что я за ним наблюдаю, выжал из себя улыбку. Подозреваю, что звонок он бы и вовсе проигнорировал, да вот беда – был уверен: слух у меня отличный.

Всего десять минут назад он развивал мысль о том, как это прекрасно – провести вдвоем свободный вечер, и я была склонна с ним согласиться. Хотя бы по той причине, что свободные вечера в последнее время не так часто у нас бывали. Мы устроились на лоджии, любуясь цветущей сиренью во дворе, и пили чай. Вот тут и позвонила Женька. Для нее у меня была специальная мелодия на мобильном, музыкальная тема из фильма «Секретные материалы», так что Ромке даже не пришлось спрашивать, кто звонит.

– Анфиса, ты дома? – спросила подруга.

– Да, – ответила я.

– Сейчас буду.

– О господи! – простонал муж.

– Что «о господи»? – нахмурилась я.

– Она когда-нибудь замуж выйдет? – язвительно осведомился Ромка, для которого замужество Женьки стало навязчивой идеей. Он считает, что если она выйдет замуж, то появляться у нас будет гораздо реже и перестанет втравливать меня в истории. Это его вторая навязчивая идея. Послушать Ромку, так мы с подругой спим и видим, как бы заняться расследованием. Не моя вина и уж точно не Женькина, что несколько раз нам действительно пришлось…

Я не успела продолжить размышления, потому что Ромка опять проворчал:

– Кончится тем, что она останется в старых девах.

– Не останется, – отмахнулась я.

У Женьки в парнях недостатка нет, а то, что она не спешит замуж, объясняется просто: пока не влюбилась по-настоящему. А без любви о замужестве и речи быть не может. Вот я, к примеру, мужа очень люблю, но пару раз в день непременно возникает желание его придушить за несносный характер (само собой, он в свою очередь считает несносной меня), а представляете, что было бы, если бы я его любила чуть меньше? Так от мыслей недолго перейти к действиям… В общем, брак – это серьезно, и решаться на него надо лишь в том случае, если выбора нет, то есть если ты без этого человека попросту жить не можешь, а Женьке и одной живется прекрасно.

– У нее нет подходящей кандидатуры, – пожала я плечами.

– Как нет? А Петька? Я его в звании повышу и свою должность уступлю, только бы он ее уговорил.

– Господи! – возмутилась я. – Ну о чем можно говорить с твоим Петькой? Он бы хоть одну книжку прочитал. А Женечка…

– Он читал. Я сам видел. Читал. И твою последнюю книжку тоже. Очень хвалил. Петька, он вообще… толковый такой. В смысле книжек. И на многое готов для женщин – в кино, даже в театр. У него разнообразные интересы.

– Ага, – фыркнула я. – Охота, рыбалка, баня…

– Анфиса! – возмущенно воскликнул муж. – Ну не кактусы же ему разводить.

Я махнула рукой и отвернулась. Ромка обиженно засопел. Вот тут и позвонили в дверь.

– Это Женечка, – улыбнулась я. Муж побрел открывать, и вскоре вернулся с моей подругой.

Вид у Женьки был кислый, то есть совершенно несчастный вид. Я привстала, ахнула и шагнула ей навстречу.

– Что случилось?

Ромка закатил глаза и демонстративно удалился, тем самым намекая, что все Женькины несчастья ломаного гроша не стоят. Она приземлилась в кресло, где ранее обретался муж, и сказала:

– Анфиса, это свинство.

– Что? – еще больше забеспокоилась я.

– Все. Я мечтала, мечтала, и нате вам… просто насмешка какая-то. Никогда больше ни о чем мечтать не буду, одно расстройство.

Ромка сунул голову в открытую дверь и сказал с ехидством:

– В жизни бывает две трагедии: неосуществленная мечта и осуществленная.

– Философ, – презрительно фыркнула Женька, а я со вздохом спросила:

– Ты туда ездила?

Женька кивнула и поинтересовалась:

– Ромка, у тебя коньяк есть?

– Есть.

– Налей, что ли, выпью с горя, может, полегчает.

– Это пожалуйста, – обрадовался Ромка и растворился в кухне, откуда прикатил столик на колесиках, а потом принес пластмассовый стул, на который пришлось пересесть мне. Ромку стул не выдержит, при росте два метра в нем сто десять килограммов веса, хоть он и врет, что девяносто восемь. Муж у меня… как бы это сказать помягче… очень большой, вот и сейчас, устроившись в кресле и вытянув ноги, он занял все свободное пространство, и наша лоджия сразу показалась мне микроскопической.

На столике, кроме бутылки коньяка, были лимон дольками, три рюмки и плитка шоколада в вазочке. Года два назад я с трудом отучила Ромку закусывать коньяк капустой, теперь он гордится умением тонко нарезать лимон, хотя по капусте все равно скучает. Муж разлил коньяк в рюмки, поднял свою и сказал, обращаясь к Женьке:

– Ну, за твое несчастье.

– Кто ж за это пьет? – возмутилась она, но выпила, закусила и посмотрела на меня с томлением.

– Значит, ты туда ездила? – тоже выпив и закусив, повторила я свой вопрос, а Женька кивнула.

Тут надо пояснить, Женька уже давно мечтает стать богатой женщиной. На огромные богатства, как то: вилла в Испании, океанская яхта и прочее в том же духе – она не замахивается, скромно согласившись с тем, что годовой доход в сто двадцать тысяч евро ее вполне устроит. Но провинциальные журналисты похвастать таким доходом не могут, что Женьку весьма огорчает, а менять что-то в своей жизни она не собирается. Лично я уверена: мечта о богатстве – это очередная Женькина блажь, но она с этим не соглашается. Подружка моя очень деятельная особа, жизнь ведет насыщенную, и, по большому счету, на деньги ей наплевать. Но, раз вбив себе что-то в голову, она твердо решила: пока вожделенного богатства нет, счастья ей не видать. Когда я пытаюсь ее образумить, она в ответ отмахивается:

– Тебе хорошо говорить, у тебя отчим депутат. У него в Москве четыре квартиры и особняк в ближайшем Подмосковье. И ты единственная наследница. Помрет отчим – все тебе оставит.

– С какой стати ему умирать? – пугаюсь я.

– Все равно он когда-нибудь помрет. Я в том смысле, что тебе есть на что рассчитывать. А я должна о себе сама заботиться.

Я безуспешно пытаюсь понять, каким образом эгоизм и невероятная сентиментальность могут уживаться в Женьке. На досуге она пишет рассказы о животных и читает мне их вслух, обливаясь слезами. Брошенную собаку ей очень жаль, а моего отчима нисколечко.

Кстати, благодаря Женьке я начала писать детективы, это она разглядела во мне способности, которые торжественно именовала талантом. Ее собственная литературная деятельность, как и журналистика, особых доходов ей не приносила, оттого Женька и вознамерилась выйти замуж за богатого человека. Эта идея занимала ее года полтора, но все состоятельные люди (а таковых в ее жизни встречалось немало, и некоторые из них всерьез хотели связать с ней свою судьбу) по неведомой причине ей не нравились, в каждом она видела изъяны, мешавшие ей влюбиться, а без любви замуж она идти не желала. В общем, эту идею Женька оставила и стала бредить наследством. Устроила своей маме допрос с намерением вызнать: не завалялся ли где-нибудь за границей преуспевающий родственник критического возраста? Таковых не оказалось. Ближайшая родня тоже оптимизма у нее не вызывала, и Женька уже отчаялась обрести свое счастье, как вдруг две недели назад произошло чудо: ее разыскал адвокат со смешной фамилией Ягодкин и с места в карьер сообщил:

– Вы – единственная наследница…

В ту пору мне случилось быть рядом, Женька при этих словах издала звук – нечто среднее между стоном и легкой икотой – и предприняла попытку рухнуть в обморок. От счастья, я полагаю. Так что далее с адвокатом пришлось беседовать мне.

Ягодкин деловито сообщил, что некая Патрикеева Дарья Кузьминична отошла в мир иной, оставив по завещанию Женьке дом.

– Кто такая Патрикеева? – прикрыв рукой трубку, спросила я у подруги, та отчаянно замотала головой. На следующий день Женьке надлежало явиться в юридическую контору «Колпаков и К°», имея при себе паспорт. Ягодкин, простившись, отключился, а Женька понемногу начала приходить в себя.

– Вот видишь, Анфиса, если чего-то очень сильно хотеть, это непременно произойдет, – наставительно изрекла она.

На следующий день в десять утра мы уже были в юридической конторе. Женька настояла на том, чтобы я пошла с ней. Свалившееся на нее внезапно счастье почему-то очень беспокоило подругу.

– В такое время лучше, если рядом будет близкий человек, – вздыхала она.

– Ты выяснила, кто эта Патрикеева? – спросила я, по непонятной причине тоже очень волнуясь.

– Нет. Звонила вчера маме, она такой фамилии сроду не слышала. А больше спросить не у кого. Фамилия какая-то дурацкая, ты не находишь?

– Нормальная фамилия, – пожала я плечами.

– Вот сейчас выяснится, что она оставила мне развалюху в деревне, и прости-прощай мечта. – Женька глубоко вздохнула, и мы отправились длинным коридором искать нужную комнату.

Ягодкин оказался юрким старичком с плешивой головой, в очках с круглыми стеклами без оправы. Поприветствовал нас, поднявшись из-за массивного стола с зеленым сукном и монстром-чернильницей на подставке из янтаря, и приступил к делу со всей серьезностью. Патрикеева Дарья Кузьминична скончалась две недели назад, оставив завещание. Женька унаследовала дом в деревне Верхняя Сурья Колыпинского района, что находится в нашей области. Услышав новость, Женька скривилась и вроде бы потеряла интерес к разговору. Заметив это, Ягодкин сказал:

– Места там восхитительные. Редкой красоты места. Если дом в хорошем состоянии, сможете продать его за приличные деньги. – При слове «деньги» Женька оживилась.

– А что за дом? – спросила она с любопытством.

– Здесь сказано: дом площадью четыреста двадцать квадратных метров плюс сорок соток земли, находящейся в собственности у хозяйки. Даже если дом развалюха, земля все равно чего-то да стоит, – понизил голос Ягодкин.

Женька кивнула и устремила взгляд вдаль, будто обозревая предполагаемые владения.

– Завещание оформлено полгода назад, еще раньше Патрикеева Дарья Кузьминична разыскала вас, поручив это дело адвокату в Колыпине, его фамилия Задорнов. Так вот, он в свою очередь обратился к нам, а мы установили ваше местонахождение. Тогда покойной и было составлено завещание по всем правилам. После кончины Патрикеевой ее доверенное лицо связалось с Задорновым, но он в тот момент был в отпуске, и… мы приносим свои извинения, что сообщили вам о смерти родственницы с опозданием, но это, смею заверить, не наша вина. Сейчас мы оформим необходимые бумаги, и через полгода вы станете полноправной владелицей угодий.

– А сейчас? – спросила Женька, облизнув губы.

– Пока не пройдет полгода, дом вы не сможете продать.

– А жить там можно?

– Это пожалуйста.

Я с удивлением покосилась на подругу, но с вопросами решила повременить.

Довольно скоро мы покинули Ягодкина, на свежем воздухе Женька задышала ровнее, а я задала вопрос:

– Ты что, в самом деле там жить собралась?

– Ну… лето на носу. Может, и поживу. Ягодкин сказал, там места красивые. На твоем вдохновении это положительно скажется.

– На моем? – округлила я глаза.

– Не одна же я буду жить в такой глуши, – пожала плечами Женька.

– У меня своя дача есть и Ромка…

– Вот только про Ромку не надо, если он тебя любит, проедет на машине с десяток километров…

– До Колыпина не десяток, а сто двадцать километров, – возмущенно напомнила я.

– И только-то? – хмыкнула Женька. – Ладно, там посмотрим.

Я затосковала. Ни в какую Верхнюю Сурью мне ехать не хотелось, так же как и в Нижнюю. Ромка об этом ничего слышать не захочет, он и так считает Женьку божьим наказанием, а тут сто двадцать километров… В этот момент у Женьки зазвонил мобильный, это оказалась ее мама. Женька поведала ей о визите к Ягодкину и предупредила, что мы сейчас приедем.

Елена Дмитриевна встретила нас в прихожей, горя нетерпением.

– Это родня отца, – заявила она решительно. – У нас таких нет.

С Женькиным отцом она рассталась лет пять назад, и два года прошло, как он умер. Елена Дмитриевна упоминаний о нем не выносила, считая его отпетым мерзавцем. В чем была его вина, я так и не узнала, Женька на мои вопросы пожимала плечами.

– По мне, так у папы был только один недостаток: он до смерти боялся маму. Однажды он так перепугался, что забыл вернуться домой. Мама искала его целый месяц для того, чтобы сказать: ноги его больше не будет в нашем доме.

Все, что было связано с ненавистным супругом, Женькина мать давно вынесла на помойку, так что теперь оставалось лишь гадать, кто такая Патрикеева и кем она им приходилась. Но Женьку интересовал не сам факт родства, а сведения, которые позволили бы предположить, велико ли наследство.

В тот день наше любопытство так и осталось неудовлетворенным, но к вечеру следующего дня у меня появилась подруга с новостями.

– Мамуля провела изыскания, – сообщила она. – Патрикеева все-таки ее родня, только никакая она не Патрикеева, а Антонова. По крайней мере, сорок лет своей жизни она носила

эту фамилию. Опознать ее удалось по имени. Мама уже фотокарточку нашла в семейном альбоме. Короче, эта Дарья Кузьминична – дочь двоюродной сестры моего деда, маминого отца. А мне она… короче, тетка. То ли троюродная, то ли и того хуже. Мамуля говорит, она старая дева, жила с братом, у которого вместо мозгов в голове тараканы водились. Не смотри так, это мамуля сказала, ей свою родню лучше знать. Моя бабка семейство муженька не особо жаловала, это у нас, как видно, наследственное. Но дед с сестрой дружил, и раз в год он к ней ездил непременно. После ее смерти родственные связи поддерживались от случая к случаю, а как дед умер, и вовсе сошли на нет. Странно, что тетка о моем существовании вспомнила, за это ей спасибо, конечно.

– Если она фамилию сменила, значит, все-таки вышла замуж.

– Ага. Но других наследников нет, выходит, она успела овдоветь, а детей не нажила. И брат ее тоже умер. Сколько ж на свете родственников, о которых мы даже не догадываемся? – заметила Женька.

– Это ты к чему? – удивилась я.

– Так… – Женька пожала плечами, но взор ее затуманился, наверное, прикидывала, не является ли какой-нибудь олигарх ее четвероюродным братом, одиноким и при смерти.

Само собой, Женька решила съездить в район и взглянуть на наследство. И вот теперь сидит передо мной с удрученной физиономией, не желает отвечать на вопросы и только кивает.

– Ездила, и что? – хмуро поинтересовалась я.

– Ничего. В смысле, ничего хорошего. Колыпино совершенно убогий городишко на конце вселенной, а Верхняя Сурья – жуткая дыра. Впрочем, до деревни я даже не доехала, тачку пожалела. Но мне и Колыпина за глаза хватило. Нашла адвоката. Дом он видел, к тетке приезжал, когда оформлял документы, говорит, требуется ремонт. Места там красивые. Для рыбаков и охотников. А для нормальных людей комариный заповедник и бездорожье. Короче, при удачном стечении обстоятельств я могу рассчитывать на сто пятьдесят – двести тысяч. Рублей, разумеется. – В этом месте Женька еще раз вздохнула, покосилась на Ромку и буркнула: – Давай еще по одной, что ли.

Ромка с готовностью разлил коньяк.

– Ну, двести тысяч тоже неплохо, – сказала я. – Ты хотела новую машину, свою продашь, добавишь двести тысяч и…

– По-твоему, я об этом мечтала? Нет в жизни счастья, – удрученно добавила подруга и залпом выпила коньяк.

– Надо уметь радоваться тому, что есть, – изрек Ромка. – Двести тысяч что, не деньги?

– Ладно, – махнула рукой Женька. – Буду радоваться. Мне вчера сон приснился, будто иду я с кружевным зонтом по аллее, а впереди дом с колоннами, лестница, внизу львы…

– Живые? – съязвил муж.

– Каменные. Стеклянная дверь распахнута настежь, и там стоит…

– Роберт Редфорд, – опять вмешался Ромка. – Нет, он уже в тираж вышел. Этот, из «Пиратов Карибского моря», на бабу похожий.

– Блюм, что ли? – сообразила Женька. – Он брюнет, а по ним твоя Анфиса сохнет. Лучше Редфорд, хоть и старенький, зато блондин и глазки светлые. – Она вновь вздохнула и добавила: – Накрылась мечта.

– Ты сохнешь по брюнетам? – повернулся ко мне Ромка.

Я скроила злобную физиономию, и он заткнулся. Цвет волос собственного мужа я определить затрудняюсь. Точно не блондин, но и не брюнет. И даже не шатен. Стригся он коротко, хоть я и просила его отпустить волосы, но Ромка утверждает, что в короткой стрижке есть свои преимущества: не надо тратиться на расчески. Довод глупый, но его это ничуть не смущает. Муж мой полковник спецназа, а Петечка, за которого он сватал Женьку, его заместитель. Внешне они даже чем-то похожи, тот тоже огромный и шумный, правда, у Петечки физио-

номия помягче, плюшевая физиономия, как любит выражаться Женька. Чего о Ромке никак не скажешь. Люди под его взглядом начинают беспокойно ерзать, я и сама, впервые увидев его, решила, что вид у него совершенно зверский, и едва не лишилась чувств, обнаружив его поблизости. Внешность, кстати, совершенно обманчивая. Ромка, несмотря на некую вредность характера, добрый, чуткий и очень нежный. Правда, излишне горяч, зато отходчив. За все время нашей совместной жизни мы ссорились по-настоящему раз десять, не больше. И причин для ссор было две: либо его глупая ревность, либо Женька. Поводов для ревности я никогда не давала, оттого Ромкины закидоны вдвойне обидны, а его предвзятое отношение к моей подруге возмущает меня до глубины души. Будь его воля, муж бы держал меня под замком, как при домострое. Хотя в этом смысле моя писательская деятельность его вполне устраивает: сидит жена целый день за столом, выдумывает истории с заковыристым сюжетом. Против выдуманных историй он не возражает и в добродушном настроении даже может идею подкинуть или проконсультировать, если в том есть необходимость. Но мне и в жизни приключений хватает. И вот тут Ромка просто из себя выходит, причем норовит во всем обвинить Женьку, вроде бы я дитя несмышленое и иду у нее на поводу. Вот уж глупость. Правда, кое-какая истина в его словах все же есть. Потому что стоит нам с Женькой куда-то отправиться, как очередное приключение тут же сваливается на голову. Оттого, даже если мы с подругой идем в кафе, Ромка начинает нервничать и звонит мне каждые десять минут с надоедливым вопросом: «У тебя все в порядке?», что дает Женьке повод утверждать, будто Ромочка совершенно ненормальный и по нему психушка плачет.

– Надо было все-таки взглянуть на дом, – заметила я.

Муж покосился на меня и сурово нахмурился.

– Успеется, – ответила Женька без намека на энтузиазм. – Все равно продать его я смогу только через полгода. Ладно, пойду я, – со вздохом сказала она, поднимаясь, Ромка радостно вскочил, а Женька добавила: – Давай завтра по магазинам пройдемся, мне туфли купить надо.

– Хорошо, – согласилась я. – Созвонимся.

Женька поцеловала меня на прощанье и удалилась. Ромка через несколько минут устроился рядом со мной на лоджии, блаженно потянулся и только что не мурлыкал.

– Ты ужасно относишься к Женечке, – не удержавшись, заметила я. Муж взглянул с удивлением.

– Ничего подобного. Если она приходит ненадолго, я ее обожаю.

Я махнула рукой, не желая с ним спорить, и в семействе воцарился покой.

На следующий день мы встретились с Женькой в торговом центре. День был солнечный, и на встречу с ней я отправилась пешком, торопясь насладиться почти летним теплом: со дня на день ожидалось похолодание. Шла я не спеша, поглядывая на витрины. Если честно, занимали меня отнюдь не товары, выставленные там, а собственное отражение. Я счастливо улыбалась, оттого унылая Женькина физиономия вызвала у меня не только беспокойство, но и протест. В самом деле, как можно киснуть в такую погоду, а главное: с какой стати?

Подруга, увидев меня, слабо улыбнулась и помахала рукой. Встретились мы в кафе «Восток» на третьем этаже торгового центра. Из огромных окон открывался великолепный вид на старый город, Женька как раз заняла место возле окна, что я оценила. Поцеловав ее, я устроилась напротив, улыбнулась пошире, призывая ее радоваться жизни, и спросила:

– Как дела?

Женька вздохнула:

– С этим домом одна морока.

– Что еще? – против воли нахмурилась я, и в самом деле Женькино наследство начинало изрядно доставать, из-за него она сама не своя. И даже предстоящая покупка ее не радует. Кстати, о намерении купить туфли Женька вроде бы вовсе забыла, пришлось напомнить.

– Это подождет, – отмахнулась она, что вызвало у меня настоящее беспокойство. Я точно знала: покупка туфель дело чрезвычайно важное и ждать не может.

– Что опять случилось? – повторила я вопрос.

– Мне сегодня Задорнов звонил, – ответила Женька. – Адвокат из Колыпина, с которым я встречалась. Помнишь, я о нем рассказывала?

– Помню.

– Он говорит, что объявился покупатель. С Задорновым связался менеджер риелторской фирмы, их клиент готов купить дом за двести тысяч. Деньги он выплатит прямо сейчас, под расписку, естественно, а оформим дом на него через полгода.

– Ну и что тебя смущает? – удивилась я. – Так многие делают.

– Фамилию клиента Задорнову не назвали, – пожала Женька плечами.

– Тоже неудивительно. Риелторы боятся, что вы договоритесь с клиентом напрямую и они лишатся своего процента. А почему такая спешка, Задорнову не объяснили?

– Говорят, клиент заядлый рыбак и охотник, тамошние места ему очень нравятся, вот он и хочет купить дом, чтобы уже летом приезжать на выходные.

– Ну… это разумное объяснение, – сказала я, не понимая, что беспокоит Женьку.

– Тип этот, ну что дом покупает, не местный, из Москвы.

– Довольно далеко от места проживания он себе дачу присмотрел. Хотя если он рыбак и охотник, а места красивые… Я так и не поняла, что тебя смущает? Ты же хотела дом продать, и покупатель очень кстати нашелся. Тебе радоваться надо…

– Может, я поторопилась? – вздохнула Женька. – Продавать то есть?

– Ты уже дала согласие?

– Нет.

– Вот и отлично. Будет время подумать. Вдруг дом стоит дороже? На твоем месте я бы съездила в эту Верхнюю…

– Сурью, – подсказала Женька.

– Вот-вот, и взглянула на все. Мало ли что сказал адвокат, надо поговорить с местными жителями, узнать, какие там цены, и вообще…

– Я узнавала, – сказала Женька, глядя на меня в большой печали. – Звонила в три конторы, которые нашла в Колыпине. Дом в деревне, по их мнению, дороже, чем за сто пятьдесят тысяч, не продать, будь он хоть золотой.

– Да? – в свою очередь нахмурилась я. – Тогда мне тем более непонятны твои сомнения, тебе же двести дают.

– Вот именно, – кивнула Женька. – А почему?

Мы посмотрели друг на друга и ненадолго замерли, я пыталась оценить сказанное Женькой, а она молча выжидала.

– Ну… – начала я. – Допустим, богатый человек, которому нравится место, решил переплатить, чтобы быть уверенным – дом достанется ему. Или еще проще: посредник ввел его в заблуждение, желая получить побольше комиссионных.

– Гениально, – согласилась Женька без всякого энтузиазма, меня это слегка обидело.

– А ты что думаешь? – спросила я.

– Ничего я не думаю, – пожаловалась она. – Просто… вот не поверишь, Анфиса, у меня второй день на душе кошки скребут. Вроде предчувствия. Не было мне печали, теперь это наследство.

– Ну, так продай дом побыстрее, и дело с концом.

– Ага, – кивнула Женька, позвала официанта и попросила еще капучино себе и мне, из чего я заключила, что покидать кафе она не собирается. «Что ж, – подумала я, – посидеть в кафе тоже неплохо».

Не успели мы выпить кофе, как у Женьки зазвонил мобильный. Она хмуро взглянула на дисплей, но ответила. Я сидела напротив и, как ни напрягала слух, слышала лишь слова Женьки.

– Да. Это я. Да… – Второе «да» она произнесла настороженно и нахмурилась еще больше. – Я сейчас в торговом центре «Смирновский», в кафе на третьем этаже. Если вам удобно, приходите сюда. Хорошо. Жду.

– У тебя деловая встреча? – спросила я недовольно.

– Это по поводу дома, – буркнула она.

– Адвокат?

– Нет. Какая-то тетка. Спросила, продаю ли я дом в Верхней Сурье, и предложила встретиться.

– А она не сказала, кто ей дал номер твоего мобильного? – разозлилась я.

– Задорнов, наверное. Кто же еще?

– Что ж, любопытно будет послушать, что скажет дама.

– Давай по пирожному съедим? – вдруг предложила Женька.

– Мы же на диете, – возмущенно напомнила я.

– Знаешь, Анфиса, у меня что-то с нервами. А успокаивать нервы лучше всего пирожным.

Я взглянула на нее и отчаянно кивнула.

– Хорошо.

В ожидании неизвестной, что звонила по телефону, мы с Женькой съели пирожные и даже разговорились. Причем темой для беседы стала не предполагаемая продажа дома, а Женькина личная жизнь, которая, по ее мнению, оставляла желать лучшего.

Как я уже сказала, недостатка в мужчинах Женька никогда не испытывала, но, по моему мнению, была чересчур разборчива. Вот и сейчас она заявила, что Кошенков Вадим Аркадьевич, на которого она потратила три месяца своей жизни, ей совсем не нравится. За эти три месяца она обнаружила в нем бездну недостатков. Самый скверный из них: Вадим Аркадьевич помешан на своей работе.

– Он торчит в офисе двенадцать часов в сутки, – возмущалась Женька. – А когда наконец оттуда выбирается, похож на чучело.

– По-моему, ты преувеличиваешь, – не без робости возразила я. – Он симпатичный и вообще…

– Не перебивай, Анфиса. Он вылитое чучело, уж можешь мне поверить. Вдруг замрет на полуслове и думает, думает… ясно, что не обо мне. Скажи на милость, на фига мне такой муж?

– Ты же хотела бизнесмена, а бизнес требует внимания…

– А жена что, не требует? Опять же, в постели он ведет себя странно.

– В каком смысле? – насторожилась я.

– Зовет меня «мамочкой», представляешь?

– Скажи ему, что тебе это не нравится.

– А толку? Он к моей груди прижимается и сладко так сопит. По-моему, только это ему и надо. В остальном он, знаешь ли, не впечатляет. И это, можно сказать, в медовый месяц. Нет, Анфиса, боюсь, придется его бросить.

– О господи. А я-то надеялась… – Я подумала о Ромке, точнее, о его надеждах, и тяжко вздохнула.

– Если честно, я ему уже сообщила о своем решении, – добавила Женька.

– А он что?

– Сказал, что я спятила.

– Почему это?

– Потому что, по его мнению, у нас все просто отлично, а я с жиру бешусь.

– Может, ты поторопилась? – робко заметила я.

– Анфиса, на меня при одном воспоминании о нем накатывают тоска и уныние, как же я с ним всю жизнь проживу и умру в один день? Нет и еще раз нет.

– Как знаешь, – вздохнула я, подумав, что вряд ли когда-нибудь увижу Женьку в подвенечном платье. В ближайшее время на это точно рассчитывать не приходится.

Женька жила одна с восемнадцати лет, переехав на втором курсе института от родителей в квартиру бабушки, и своим одиночеством отнюдь не тяготилась, даже напротив. На свете встречаются закоренелые холостяки, и Женька была им под стать. Когда я вышла замуж, то решила – подруга скоренько последует за мной. Тем более что и желающие вести ее под венец имелись, но Женька продолжала свое привычное существование, к большому огорчению Ромки.

– Женщине положено выходить замуж и рожать детей, – несколько не к месту заявила сейчас я.

– Это твой Ромка сказал? – усмехнулась Женька.

– При чем здесь Ромка? – нахмурилась я, Женька тоже нахмурилась, но взгляд ее был устремлен куда-то поверх моего плеча. Я оглянулась. В полупустом кафе появилась новая посетительница. Чувствовалось, что здесь она впервые. Кафе было довольно большое, разделенное невысокими перегородками на три помещения. На полках стояли банки с зернами кофе, старинные кофемолки и прочее, у неподготовленного человека от всего этого глаза разбегались. С вошедшей произошло то же самое, глаза ее бегали, возвращаясь от стен к столам и вновь к стенам, потому я и сделала заключение, что она здесь впервые. Пройдя немного вперед, дама опять начала оглядываться, но на сей раз ее интересовал отнюдь не интерьер, а посетители.

– Это она, – сказала Женька и, видя мой вопросительный взгляд, пояснила: – Девица, что мне звонила. Уверена, это она.

Я пожала плечами.

Женька поднялась и махнула рукой, заметив ее жест, женщина направилась в нашу сторону. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что ей лет двадцать пять – двадцать шесть, лицо довольно приятное, но макияж никуда не годится. Особенно в солнечный день. Ярко-красные туфли на высоченных каблуках, в таких только стриптизершам у шеста вертеться, сумка тоже красного цвета, но другого оттенка, черный деловой костюм на размер меньше, чем следует, с многочисленными складками в районе талии, из большого выреза выглядывал розовый бюстгальтер. Наряд был признан мною никуда не годным. Огромные серьги с черными камнями свисали чуть ли не до плеч. У нее были сиреневые губы и черные волосы до плеч с рубленой челкой. Я решила, что это на сто процентов парик. В целом девица походила на агента вражеской разведки, какими их изображают в фильмах с весьма скромным бюджетом. Возможно, по этой причине девушка мне и не понравилась, хотя поначалу вызвала лишь недоумение. Неловко шагая на высоченных каблуках, она приблизилась к нашему столу, както криво улыбнулась и, переводя взгляд с меня на Женьку, спросила:

– Вы Евгения Петровна?

– Я, – кивнула подруга, приглядываясь к девице, которая ей тоже явно не понравилась. Вряд ли тому виной был наряд, в этом смысле Женька тоже способна удивить публику, и это еще мягко сказано, скорее ее насторожило выражение отчаянной решимости на лице девушки в сочетании с беспокойством и даже боязнью. В общем, незнакомка произвела странное впечатление. Между тем она протянула руку и скороговоркой выпалила:

– Руднева Софья Ивановна. Спасибо, что согласились встретиться.

Женька еще раз кивнула, и девица устроилась за столом.

– Кофе? – спросила Женька. Потом, точно опомнившись, представила меня: – Это моя подруга, Анфиса Львовна.

Я улыбнулась, но ни ответной улыбки, ни кивка не удостоилась.

– Евгения Петровна, – тут же заговорила девица, от кофе она, кстати, отказалась. – Вы получили в наследство дом.

– Да, – ответила Женька. Лицо ее стало страдальческим, точно данный факт доставлял ей физическую боль сродни зубной.

– Мой клиент хотел бы купить его у вас. Вы ведь не собираетесь там жить? – Голос Рудневой звучал исключительно деловито, и вместе с тем слышалась в нем, как ни странно, легкая паника, точно девушка прилежно исполняет роль, но до конца не уверена, правильно ли она это делает.

– Я даже его еще не видела, – буркнула Женька. – Откуда же мне знать: собираюсь или нет? Кстати, покупатель у меня уже есть.

Услышав это, девица замерла, точно от удара. Сцепила зубы и никак не меньше минуты таращилась на мое колено, пытаясь справиться с некими чувствами, которые мне были не совсем понятны.

– Покупатель? – наконец произнесла она. – И кто же это?

– Понятия не имею, – ответила Женька.

– Но вы ведь можете узнать его имя?

– Конечно. Но пока не вижу в этом необходимости.

Я едва заметно кивнула Женьке, давая понять, что она ведет себя правильно.

– А вы сами кого представляете? – вмешалась я в разговор. – Фамилию своего клиента вы тоже не назвали.

– Это не мой клиент, – заволновалась девушка. – То есть я хочу сказать… я просто не так выразилась. Я работаю секретарем у Лаврушина Олега Евгеньевича, он художник, летом обычно живет в деревне, узнал, что вы дом продаете, и попросил меня навести справки. Он ищет дом по просьбе своего друга. Какую сумму вам предложили за дом? – тон ее вновь стал деловым, и смотрела она решительно.

– Двести тысяч, – неохотно ответила Женька.

– Друг Олега Евгеньевича заплатит двести пятьдесят, – сказала она, глазом не моргнув. Женька кашлянула и заявила с томлением:

– Я подумаю.

– Да что тут думать, – вдруг повысила голос девица, впечатление было такое, что она все это время терпела из последних сил, и вдруг терпение лопнуло. – Вам дают двести пятьдесят тысяч за древнюю развалюху.

– Подумать никогда не лишне, – вновь влезла я. – Тем более что продать его Евгения Петровна все равно сможет только через полгода.

– Хорошо, – резко выдохнула Софья Ивановна. – Думайте на здоровье сколько хотите. А пока вам ничто не мешает сдать его, скажем, на четыре месяца. Мы можем составить соглашение прямо сейчас. – Она полезла в сумку, покопалась в ней нервно и выложила на стол пачку тысячных купюр. – Здесь двадцать пять тысяч, – сказала она. – Дороже свою дачу вы не сдадите. Согласны?

Мы с Женькой быстро переглянулись, я едва заметно покачала головой, и подруга ответила:

– Не вижу смысла торопиться.

– Он может найти другой дом, и вы лишитесь денег, – ответила Софья Ивановна.

– Что поделать, – пожала Женька плечами. – Мне проще его продать.

– Я же вам предложила двести пятьдесят тысяч. Сделку можно оформить позднее, а пока он там поживет…

– Хорошо, хорошо, – закивала Женька. – Я подумаю и вам сообщу.

– Когда вам позвонить? – едва сдерживая злость, спросила Софья Ивановна.

– Я вам сама позвоню, – ответила Женька. – Оставьте ваш номер телефона или номер Олега Евгеньевича.

Софья Ивановна дернула плечом, полезла в сумку, потом, словно опомнившись, сказала:

– Записывайте. – И продиктовала номер мобильного. После чего поднялась, кивнула и бросилась к двери, будто за ней черти гнались или ей в туалет срочно понадобилось.

– Что скажешь? – с преувеличенным спокойствием спросила Женька.

– Дай-ка свой мобильный, – вместо ответа попросила я. Женька протянула мне телефон, я нашла недавнюю запись «Руднева Софья Ивановна» и нажала кнопку вызова. Подруга с интересом наблюдала за моими действиями.

– Да, – услышала я женский голос и сказала:

– Простите, Софья Ивановна, это Анфиса Львовна. Дело в том, что вы забыли пудреницу.

– Что? Какую пудреницу? Кто это?

– Анфиса Львовна, – повторила я.

– Простите, но я вас не знаю.

– Мы только что с вами расстались. Я ведь разговариваю с Рудневой Софьей Ивановной?

– Да, – женщина пребывала в недоумении. – Только я… я вас не понимаю.

– А Евгению Петровну вы, надеюсь, помните?

– Вы, наверное, номером ошиблись, – вздохнула женщина и отключилась.

– Занятно, – усмехнулась я.

– Думаешь, номер не ее? – хмыкнула Женька.

– А что тут думать. Способен человек через пять минут забыть, с кем только что разговаривал?

Женька взяла из моих рук телефон и стала набирать номер, я думала, она опять звонит Софье, но, оказалось, Задорнову. Я пересела ближе к ней, чтобы слышать их разговор.

– Игорь Павлович? – начала Женька. – Это…

– Узнал, узнал вас, уважаемая Евгения Петровна. – Голос адвоката звучал с молодым задором, и в нем слышалась большая радость, я бы даже сказала, восторг. Я с подозрением покосилась на Женьку. Надо не забыть спросить у нее: сколько адвокату лет. Впрочем, какая разница, если в ее голосе особой радости не слышно.

– Да, это я. Здравствуйте. Я вот по какому вопросу. Только что я простилась с некой Рудневой Софьей Ивановной. Вам эта девушка знакома?

– Нет, – помедлив, ответил Задорнов.

– Она интересовалась тетушкиным домом.

– Как же, как же. Была у меня вчера девушка, я подумал, совсем не лишнее, если… ничего, что я дал ей номер вашего мобильного? – испуганно закончил он.

– Все нормально, – заверила Женька.

– Я так понял, она из Москвы, дом покупают под дачу. Могу я узнать, какую сумму она вам предложила?

– Двести пятьдесят тысяч.

– Евгения Петровна, соглашайтесь. Уверяю, дороже вы дом не продадите. На всякий случай я сейчас позвоню в риелторскую контору и сообщу им, что у нас есть покупатель.

Женька торопливо простилась с Задорновым, отложила телефон в сторону, и в этот момент он зазвонил. Женька взглянула на дисплей и продемонстрировала его мне. Я без особого удивления увидела фамилию «Руднева». Женька ответила, а я припала ухом к трубке.

– Алло, это Софья, ради бога извините, я не сразу поняла, кто звонит.

Мы переглянулись, одновременно усмехаясь.

– Ничего страшного. Мы нашли пудреницу, не вы ее случайно оставили?

– Нет, не я.

– Что ж, в таком случае извините.

– Вы… вы позвоните мне, как только определитесь с домом? – неуверенно спросила Софья.

– Непременно, – заверила Женька. Я вернулась на свое место, а подруга задумчиво почесала за ухом мобильным телефоном. И было от чего впасть в задумчивость. Возможно, мы действительно разговаривали сейчас с Софьей Ивановной, но голос в трубке определенно не принадлежал девице, с которой мы недавно расстались. – Черт-те что, – изрекла Женька. – Ты что-нибудь понимаешь?

– А чего тут не понять? – вздохнула я. – Девица дала нам номер телефона какой-то своей знакомой, но мы позвонили раньше, чем она успела ее предупредить. Потом наша девица с ней связалась, и та перезвонила, поспешив исправить оплошность.

– А почему бы этой посреднице не оставить свой номер телефона? А если его нет, просто сказать: позвоните подруге?

– Ей явно не хочется называть свое собственное имя, – ответила я. – Девушка соблюдает инкогнито. По этой причине и парик нацепила. А макияж? Уверена, встреть мы псевдо-Рудневу через полчаса без парика и боевой раскраски, вряд ли ее узнаем.

– И зачем все это? – глядя на меня с таким видом, будто мне известна страшная тайна, ей недоступная, спросила Женька.

– Логично предположить, что это как-то связано с наследством. По крайней мере, до того, как Патрикеева скончалась, подобных странностей в твоей жизни не случалось.

– Мы можем узнать, кто такая эта Руднева? – нахмурилась Женька.

– Ты на Петечку намекаешь? Боюсь, это будет не просто. Вовсе не факт, что она зарегистрирована в нашем городе. А для масштабных поисков не худо бы знать чуть больше.

– Есть еще ее приблизительный возраст, – сказала Женька.

– Ага. Но настоящей Рудневой может быть вдвое больше.

– Дела… – подруга вновь почесала за ухом, а я взволнованно заявила:

– Удивляюсь, как ты могла уехать, не взглянув на дом.

– Задорнов сказал…

– Плевать на Задорнова, – зашипела я, перегнувшись к Женьке и стараясь, чтобы наш разговор не услышали люди за соседними столиками, время обеденное, народ набежал, и теперь почти все столы были заняты. Словно в ответ на мои слова, Женькин телефон опять ожил.

– Задорнов, – шепнула она и ответила. Перебираться к ней ближе на сей раз я не стала, сидела и ждала, когда она закончит разговор, наблюдая за физиономией подруги. Женька скривилась, точно готовилась зареветь, поспешно простилась, отложила телефон и сказала, глядя на меня не моргая: – Триста тысяч. Задорнов сказал, что клиент готов заплатить эти деньги. И что я должна делать? – пожаловалась Женька. – Соглашаться?

– Еще чего, – возмутилась я. – Совершенно ясно, тут что-то не так.

– Что не так?

– Откуда мне знать? Какие-то люди хотят купить дом твоей тетки, при этом ведут себя загадочно. Надевают парики и прячутся за чужими фамилиями. Надо ехать в эту Сурью и на месте разбираться.

– Тебя Ромка не отпустит, – вяло молвила подруга.

– Отпустит, – отмахнулась я, преисполненная решимости.

– Я могу отпуск взять, – повеселела Женька. – Хоть завтра.

– Отлично, – кивнула я, но на смену решительности уже явилось беспокойство. При мысли о Ромке я невольно поежилась, что не ускользнуло от внимания подруги.

– Так брать отпуск или нет? – сурово спросила она.

– Бери. А еще позвони Задорнову и этой Рудневой и скажи: пока дом не оформлен, продавать его ты не собираешься, так что пусть не беспокоят тебя понапрасну.

Туфли Женьке в тот день мы так и не купили. Простившись с ней, я спустилась на нулевой этаж торгового центра, где был продуктовый магазин, и сосредоточилась на предстоящем ужине. Как известно, путь к сердцу мужчины лежит через желудок, вот я и намеревалась поразить Ромку своими кулинарными талантами. Глядишь, подобреет, и уговорить его отпустить меня с Женькой на пару дней будет не в пример легче.

Нагрузив тележку снедью, я прихватила две бутылки вина и зашагала к кассе. И в этот момент в толпе людей возле эскалатора мелькнул знакомый силуэт. Так и есть, парик, черный костюм… Софья Ивановна, или как ее там. Она стояла почти вплотную к эскалатору, а рядом с ней рослый, наголо бритый мужчина с неприятной физиономией. Он что-то ей выговаривал, а она хмуро разглядывала плитки пола у себя под ногами. Потом вскинула голову, ответила что-то резко и зашагала прочь. Мужчина, чуть помедлив, пошел за ней, догнал, схватил за руку, больно дернул, девушка поморщилась. Теперь они стояли, мешая прохожим, и что-то обсуждали, надо полагать, на повышенных тонах. Потом Руднева кивнула, взяла мужчину под руку, и они уже спокойно отправились в сторону паркинга.

Я чертыхнулась, пристроила тележку у стены так, чтоб она не мешала покупателям, и бросилась следом за парочкой. Объяснить свои действия не могу, да и что, собственно, я надеялась узнать? Но в тот момент я была бы рада любым сведениям, так меня разбирало любопытство.

В общем, я метнулась к паркингу, но когда оказалась возле входа в него, парочка исчезла. Паркинг был огромным, чтобы обойти его, понадобилось бы много времени, которого у меня, понятное дело, не было, и я сразу же направилась к выезду, очень боясь, что опоздала и лже-Руднева со своим кавалером уже уехала.

Я как раз поравнялась с будкой охранника, когда к шлагбауму подлетел черный «Лексус». Окно приоткрылось, я увидела бритого и, сообразив, что девица меня может заметить, юркнула за будку. Машина проехала мимо, и я рискнула выглянуть. Как раз вовремя: «Лексус» покидал паркинг. Конечно, я первым делом обратила внимание на номер. Он был приметный: 600. Буквы я на всякий случай записала и вернулась к своей тележке, по дороге успев позвонить Женьке.

– «Лексус», джип, черного цвета, номер К 600 ОХ, наш регион, – выпалила я. – Узнай, кто владелец.

– Узнаю. А что за «Лексус»?

– Я встретила нашу Софью с каким-то лысым типом. Уехали на джипе.

– Она тебя видела?

– Вряд ли.

С чувством выполненного долга я заторопилась в магазин. В голове прочно засели мысли о девице и ее бритом друге, я пыталась отгадать, чем их так заинтересовало Женькино наследство. Допустим, людям просто понравился дом, и они решили его купить, но зачем девушке понадобился весь этот маскарад?

Расплатившись, я пошла к стоянке и только тогда вспомнила, что явилась в торговый центр пешком. Чертыхнулась, вызвала такси и попыталась сосредоточиться на ужине. Вернувшись домой, извлекла из недр шкафа поваренную книгу, но по здравом размышлении решила особенно не напрягаться. Чего доброго, Ромка почувствует неладное, и эффект получится обратный. Стол, конечно, должен выглядеть празднично, еда должна быть вкусной, а сэкономленное время лучше потратить на что-нибудь приятное. Пухлый том был возвращен на полку, а я взялась за приготовление ужина, поглядывая то и дело на часы. В половине шестого я решила позвонить Ромке.

– Котик, – ласково пропела я. – Ты домой скоро?

– Через полчаса, максимум – через час, – выпалил он. Из чего я заключила, что у мужа дел по горло и он лихорадочно прикидывает, как от них поскорее избавиться.

– Поторопись, – я добавила в голос меда и закончила с намеком на угрозу: – Я тебя жду. – Вот чего терпеть не могу, так это ждать, о чем мужу хорошо известно. Я была уверена, что через полчаса услышу звонок в дверь… Звонок и впрямь зазвенел, но это был домашний телефон.

– Солнышко, – начал канючить Ромка. – Раньше чем через час не получится.

– Ладно, – милостиво согласилась я. – Час я, так и быть, потерплю.

Взглянув на накрытый стол, я удовлетворенно усмехнулась и отправилась на лоджию с книгой в руке, правда, на кухню время от времени заглядывать не забывала, проверяя готовность коронного блюда в духовке. Прошел час, коронное блюдо было готово, а Ромка не появлялся. Я позвонила ему на мобильный и узнала, что телефон выключен. Сценарий вечера летел ко всем чертям. Я собралась зарыдать от возмущения, но тут прикинула, что Ромкино опоздание мне, пожалуй, даже на руку. Он будет чувствовать себя виноватым, а когда он виноват, то на многое согласен. В общем, выходило: как ни крути, а я в выигрыше.

Через два часа во дворе появилась машина, из нее выскочил Роман Андреевич с букетом цветов и бросился в подъезд как ошпаренный. Я вернулась на кухню, села за стол и попыталась изобразить на лице негодование вкупе с большой обидой. Ромка позвонил в дверь, я сидела будто приклеенная. Наконец он открыл дверь своим ключом, вошел в квартиру и подхалимски позвал:

– Солнышко, ты где? – Само собой, я молчала. Ромка сделал несколько шагов и робко заглянул в кухню. – Солнышко, – расплылся он в улыбке. Я перевела взгляд на часы, Ромка тоже на них посмотрел и страдальчески поморщился: – Анфиса, ей-богу, я не мог сбежать раньше…

– Это в последний раз! – рявкнула я, поднимаясь из-за стола. – Последний раз, когда я старалась, готовила тебе ужин…

– Почему последний? – испугался Ромка.

– Потому что ты свинья неблагодарная.

– Я – благодарная, – ткнув себя букетом в грудь, заверил муж. – Не мог я уйти, честное слово…

Я прошла мимо него к двери.

– Мой руки и ешь.

– А ты?

– Я уже поела.

Взяв у него букет, я удалилась в гостиную. Само собой, Ромке в кухне не сиделось, он возник в дверном проеме с тарелкой в руках, но под моим свирепым взглядом поспешно ретировался и вернулся уже без тарелки.

– А что у нас за праздник сегодня? – начал он с наводящего вопроса.

– Просто я хотела сделать тебе приятное, – ответила я.

– Да? Я рад.

– А я нет.

– Анфиса…

– Замолчи, – отмахнулась я и залилась слезами, в ту минуту чувствуя себя такой несчастной, что просто жить на свете не хотелось. Ромка бросился ко мне, бухнулся на колени и испуганно схватил меня за руки.

– Что случилось? – Если честно, я не знала, что ему ответить. Должно быть, по этой причине залилась слезами пуще прежнего. – Анфиса, – взывал Ромка, а я ревела. Так как он продолжал меня тормошить и перепугался по-настоящему, срочно требовалось что-то сказать, и я заявила:

– Ты меня не любишь.

– Это потому, что на работе задержался? Начальство не вовремя пожаловало. Я же не могу сказать «Меня жена дома ждет» и удалиться, пришлось мучиться. Между прочим, я спешил изо всех сил.

– Сомневаюсь.

– У нас правда нет никакого праздника? – на всякий случай уточнил он. Надо сказать, с некоторых пор мы подумывали о ребенке, точнее, я подумывала, а Ромка на этой идее просто помешался.

– Ты не готов стать отцом, – несколько невпопад заявила я.

– Готов.

– Ничего подобного.

– Анфиса… – Он легонько встряхнул меня, а я вздохнула.

– Ладно, давай мириться.

– Давай, – согласился Ромка с готовностью, продолжая ко мне приглядываться.

– Я просто решила, что романтический ужин нам не помешает.

– Не помешает. Пойдем ужинать?

Мы обнялись, Ромка меня поцеловал, потом я его, и с ужином пришлось повременить. Но когда мы появились на кухне, настроение у обоих было прекрасное. Я умудрилась забыть, с какой целью все это затеяла, дурачилась, хихикала, перебравшись на колени к мужу, и вспомнила о своей миссии только после Женькиного звонка. Ромка снял трубку, закатил глаза и передал ее мне.

– Анфиса, – позвала Женька, а я мысленно застонала, дивясь своей забывчивости.

– Я тебе позже перезвоню, – пискнула я и вернула трубку Ромке. Он был потрясен моей самоотверженностью, о чем тут же и сказал. На самом деле я не хотела, чтобы он услышал наш разговор и заподозрил, что мы вновь затеваем какое-то расследование.

– Туфли купили? – спросил муж весело.

– Нет. Не было ничего подходящего.

– Сочувствую.

– Придется ехать в деревню, – вздохнув, без перехода сообщила я.

– Куда? – не понял Ромка.

– Я забыла, как она называется. Деревня, где у Женьки наследство.

– Она же ездила.

– Ничего подобного. Она дом даже не видела. А теперь собирается его продавать. Вот уж глупость. Хочу сама взглянуть на дом. Женьке в таких вопросах я совершенно не доверяю. – Ромка со вздохом уставился в потолок. – Ну, чего ты? – потерлась я носом о его плечо. – Тебя все равно целыми днями нет дома. Посмотрим на ее усадьбу, разберемся с ценами. Покупатель, кстати, уже нашелся. А в выходные ты сможешь к нам приехать.

– Ты что, там до выходных намерена торчать? – возмутился он.

– До выходных осталось всего несколько дней, – напомнила я. Ромка вновь вздохнул. – Мне необходим свежий воздух, – заявила я. – Если ты против Женькиной деревни, поеду на дачу к родителям.

– Лучше к Женьке, – тут же выпалил муж.

– Вот и хорошо, – сказала я.

– Надеюсь, дозвониться туда можно? – проворчал он.

– Я тоже надеюсь.

– Если смогу удрать с работы пораньше, приеду в пятницу, – поразмыслив, сказал Ромка, я кивнула, давая понять, что идея стоящая, и стала убирать со стола.

Через час я позвонила Женьке, муж в это время был в ванной, и я не боялась, что он услышит лишнее.

– Что там у тебя? – проявила я любопытство.

– Узнала, кто хозяин тачки, – отрапортовала подруга. – Епифанов Виктор Николаевич, зарегистрирован в городе Колыпино.

– Вот как… Может, он и вправду хочет дом купить?

– Может, – согласилась Женька. – А подруга его парик нацепила, потому что с утра забыла голову помыть.

– Ага. А телефон… Ладно, завтра разберемся.

– Завтра? – переспросила Женька.

– Ты же сказала «отпуск хоть завтра возьму», разве нет?

– Хорошо, – обрадовалась Женька. – С утра метнусь в редакцию… К обеду сможем ехать.

– Больше никто не звонил?

– Нет.

– Тогда до завтра.

Утром я собрала кое-какие вещи, перенесла чемодан в машину и стала ждать звонка от Женьки. Позвонила она только в час, в это время мы с Ромкой обедали в кафе неподалеку от его работы. С утра он был мрачнее тучи и хоть помалкивал, но я-то знала, что мой отъезд его вовсе не радует, и это еще мягко сказано. Расставаться с ним на несколько дней и мне не хотелось, по этой причине мы сидели грустные.

– Я уже дома, жду тебя, – сказала подруга, а я перевела страдальческий взгляд на Ромку.

– Ладно, поезжай, – махнул он рукой, потом перегнулся через стол и поцеловал меня. Я едва не прослезилась, схватила сумку и заспешила к выходу. Перезвонила Женьке и, когда въехала во двор ее дома, обнаружила подругу возле подъезда в компании огромного чемодана.

– Ты что, на курорт собралась? – спросила я, когда мы с большим трудом запихнули чемодан в багажник.

– Никогда не знаешь, что в жизни пригодится, – пожала она плечами.

Мы устроились в машине, и тут Женька заявила:

– Знаешь, Анфиса, у меня какое-то странное предчувствие.

– Плохое или хорошее? – забеспокоилась я.

– Я же говорю, странное. И сон мне сегодня приснился. Будто стою я возле какого-то дома, и вдруг стена сама собой открылась, и оттуда посыпались разноцветные бумажки, вроде конфетти, а я стою дура дурой и ни одну поймать не могу, хотя очень хочется. Вот скажи, к чему это?

– Не знаю, – честно ответила я. – Но, в общем-то, сон неплохой. Конфетти – значит праздник. А все остальное…

– Ладно, – махнула рукой Женька. – Поехали. – Перекрестилась и застегнула ремень безопасности.

Дорога до Колыпина много времени не заняла. Хотя Женька утверждала, что это страшная дыра, но первое впечатление от городка было скорее приятное. Тихий, зеленый, на окраине пятиэтажки, одинаковые, как братья-близнецы, ближе к центру их сменили двухэтажные дома застройки девятнадцатого века. На окнах горшки с геранью, на крылечках дремлющие коты, такое впечатление, будто ты каким-то фантастическим образом перенесся на сто лет назад. Если бы не машины… их количество слегка удивило. Припарковаться в центре оказалось нелегким делом. За редким исключением районные города я не жаловала, в основном из-за их бедности. Денег в бюджете кот наплакал, оттого даже в центре дома обычно стоят обшарпанные, и красоту при таком запустении разглядеть нелегко. Но Колыпино явился счастливым исключением. Центральная площадь выглядела ухоженной, фасады домов были недавно отреставрированы, слева церковь, справа банк, посередине клумба с петуньями, далее купола монастыря и каланча пожарной заставы прошлого века. Женька сообщила, что там сейчас кра-

еведческий музей. Чисто, уютно, все радует глаз. Я покосилась на подругу, которая, вытянув шею, высматривала место для парковки.

– Милый городок, – заметила я, Женька промолчала. Она вообще почти всю дорогу рта не раскрывала, что было странно и оттого тревожило.

– В переулок сворачивай, – скомандовала она, я свернула, приткнулась между двух машин, и мы вернулись к площади. Ближе к бывшей пожарке в двухэтажном доме, снабженном скромной вывеской «Адвокат», находилась контора Задорнова. Небольшие окна с решетками, на окнах, кстати, не жалюзи, а тюлевые занавески. Женька толкнула тяжелую дверь, звякнул колокольчик, и мы вошли в крохотную приемную, где за столом сидела девушка и отчаянно зевала, глядя в окно. На стуле рядом устроился кот, черный с белыми лапами, и тоже зевал. При нашем появлении девушка кашлянула, прикрыв рот ладошкой, покосилась на кота и тихо произнесла «кыш», но котофей не внял, улегся поудобнее и прикрыл глазки.

– Здравствуйте, – сказала девушка, решив не обращать на него внимания.

– Здравствуйте, – ответила Женька, я кивнула. Тут девушка вскочила и с сияющей улыбкой произнесла:

– Ой, Евгения Петровна, это вы… я сейчас… – Она кинулась к двери, что была рядом, распахнула ее и крикнула: – Игорь Павлович, Евгения Петровна приехала. – Хотя это было совершенно излишне, учитывая величину помещения. Разумеется, если Задорнов не страдал глухотой.

Такой восторг при виде моей подружки что-нибудь да значил, я покосилась на нее, теряясь в догадках, она шагнула в кабинет адвоката, я за ней.

Задорнов бодро поднялся из-за стола и пошел нам навстречу. Хотя подозреваю, в тот момент меня он попросту не заметил, всецело сосредоточившись на Евгении Петровне.

– Очень рад, очень рад.

Адвокат оказался молодым мужчиной, невысоким, худым, в новом костюме серого цвета, белой рубашке и синем в крапинку галстуке. Он очень старался выглядеть солидно. Напрасный труд. При виде его губы невольно растягивались в улыбке. Дело в том, что Задорнов был рыжим, огненного цвета шевелюра не желала слушаться расчески, волосы, будто нарочно, торчали в разные стороны. «Почему бы ему не подстричься коротко?» – подумала я, но тут обратила внимание на его уши. Таких ушей я отродясь не видела: огромные, торчащие, с заостренными вверху кончиками. Симпатичная физиономия Задорнова с аккуратным носиком и пухлыми губами была усыпана веснушками, карие глаза смотрели радостно и чуть смущенно, как будто он хотел сказать: «Таким уж я уродился, что ж теперь…»

– Привет, – кивнула Женька, повернулась ко мне и сказала: – Это моя подруга, Анфиса Львовна. Известный писатель, пишет под псевдонимом Анна Асадова.

При этих словах девушка, что стояла в дверях и радостно улыбалась, зажала рот рукой и стала сползать по косяку, по-видимому, от восторга. Задорнов всплеснул руками, совсем как моя покойная бабушка, и радостно взвизгнул:

– Правда? Ну надо же… А я еще подумал, лицо знакомое. Мы ваши книги читаем… Арина, давай скорее чаю.

Арина при этих словах вроде пришла в себя и выскочила в приемную, откуда вскоре появилась с чаем, двумя плитками шоколада, пузатой сахарницей и клубничным джемом.

– А продолжение «Кровавых уз» будет? – шепнула она, наклоняясь ко мне.

– Пока не знаю, – ответила я тихо, решив, что разговор о моем творчестве подождет, раз явились мы сюда по делу. Но тут выяснилось, что «Кровавые узы» Задорнова тоже очень интересуют. Арина, пододвинув стул, села рядом со мной и принялась выспрашивать подробнейшим образом о моих творческих планах, жадно на меня поглядывая. Задорнов от нее не отставал, причем сюжеты моих книг помнил лучше меня, а некоторые места пересказывал близко

к тексту. Женька царственно выпрямила спину и, поглядывая на нас с материнской улыбкой, кивала головой.

Чай был выпит, я успела ответить вопросов на двадцать из тридцати, но тут у Задорнова пробудилась совесть. Он вдруг покраснел, должно быть, вспомнив, что мы здесь по делу, с видом мученика взглянул на Арину и, прижав руку к сердцу, произнес:

– Анфиса Львовна, ради бога, извините, мы вас совсем заговорили.

– Что вы, что вы, боюсь только, что мы отняли у вас слишком много времени, – пискнула я.

– Нет, нет… Я так рад. У нас, знаете ли, город небольшой, и, как бы это выразиться…

– Тоска зеленая, – подсказала Арина с улыбкой, а Задорнов кивнул:

– Точно. Оттого интеллигентный человек, с которым можно поговорить, буквально как…

– Глоток свежего воздуха, – вновь подсказала Арина.

– Точно, – опять кивнул он. – Арина, кстати, журналист по образованию, но устроиться в местную газету немыслимо, вот она и работает у меня. Она моя жена, – радостно добавил он, они переглянулись и одновременно хихикнули, будто нашалившие дети.

– Отлично, – улыбнулась я. – Мы, собственно, приехали взглянуть на дом.

– Честно сказать, я не ожидал, что на него так быстро покупатели найдутся. И цена, знаете, для наших мест очень приличная. Специально посмотрел объявления, вот, взгляните… – Подойдя к столу, Задорнов развернул в нашу сторону монитор компьютера. – Кижма – очень хорошее место, но и там дом в отличном состоянии на днях продали за сто пятьдесят тысяч рублей. А дом вашей тетушки, конечно, впечатление производит, но построен он еще в девятнадцатом веке и с тех пор, похоже, ни разу не ремонтировался, если только крышу перекрывали. Впрочем, вы все сами увидите.

– Игорь Павлович, – заговорила я. – У меня вот какой вопрос: вы хорошо знали покойную, Дарью Кузьминичну?

– Признаться, я ее совсем не знал. Завещание было составлено нотариусом, Световой Альбиной Константиновной. Ее офис в этом же здании, только вход с другой стороны. Дарья Кузьминична обратилась к ней, но тут возникла небольшая проблема, Дарья Кузьминична ничего не знала о своей племяннице, то есть ничего, кроме имени и фамилии, и не была уверена, что Евгения Петровна до сих пор проживает по тому адресу, где ранее проживал ваш дед. Проще всего было связаться с племянницей по телефону, но номера успели поменять. В общем, Дарья Кузьминична обратилась ко мне, чтобы я узнал, где сейчас проживает Евгения Петровна, а в случае ее смерти сообщил бы вам о последней воле покойной. Я навел справки и встретился с Дарьей Кузьминичной вторично, она приехать сюда не смогла, плохо себя чувствовала, и я сам ездил к ней. Вот, собственно, и все.

– О покупателях вам что-нибудь известно? – спросила я.

– Мне позвонили из риелторской конторы и поинтересовались, не будет ли Евгения Петровна дом продавать. Я ответил, что, скорее всего, будет, на что мне сказали: покупатель у них есть. В Сурье летом очень много приезжих, арендуют дома на несколько месяцев, для местных это зачастую единственный источник дохода, работы там практически нет. Впрочем, и живут там в основном старики. Вот дома и сдают. Я решил, что человек этот из Москвы.

– Но ведь что-то узнать о нем можно? – лучезарно улыбнулась я.

– Попробуем, – ответил он с готовностью.

– Спасибо, – я посмотрела на Женьку и спросила: – А с Рудневой Софьей Ивановной вы тоже ранее не встречались? – Задорнов смотрел на нас с некоторым недоумением, пришлось пояснить: – Так зовут женщину, которая приходила к вам по поводу дома.

Арина беспокойно поерзала и робко сообщила:

– У моего племянника учительницу так зовут. Он в шестом классе учится. Она англичанка, то есть английский преподает. Они вечер устраивали, а я язык немного знаю, вот она и попросила помочь.

– Так к вам сюда она приходила?

– Может, и она, – пожал плечами Задорнов. – Арины в тот момент не было, а я эту Рудневу никогда в глаза не видел, учительницу, я имею в виду.

– А как выглядит учительница? – повернулась я к Арине.

– Ну… ей лет тридцать, волосы темные, в очках… одевается хорошо, и вообще… приятная такая женщина.

Насчет одежды мнения могут разделиться, а в целом описание недавней нашей знакомой более-менее соответствовало тому, что мы видели. Вот только мы с Женькой были уверены, что номер телефона она нам дала не свой.

– Вы случайно не знаете номер ее мобильного?

– Могу узнать, – вскочила Арина. – Я сама в этой школе училась, там теперь моя подруга историю преподает, мы с ней с первого класса дружим… Я сейчас.

Арина бросилась в приемную и стала звонить подруге, мы ждали, чем закончится разговор, Задорнов при этом пребывал в некоторой растерянности, должно быть, не мог взять в толк, почему нас интересует телефон какой-то учительницы. Арина вернулась и сообщила нам номер. Он совпал с тем, что оставила нам Софья Ивановна. То ли мы с Женькой намудрили и действительно встречались именно с Рудневой, то ли у кого-то все же был повод прятаться под чужим именем.

– Выходит, она и есть секретарь Лаврушина, – молвила Женька. – Лаврушин – художник, который, по ее словам, интересовался домом. – Замечание это повергло молодую пару в раздумье. Меня, кстати, тоже. Сплошные несуразности, причем глупые и оттого обидные. Вслед за сомнением пришло раздражение: какое нам, собственно, дело до всех этих людей? Продать дом, и… и все-таки должна быть причина их странному поведению. А продать дом мы всегда успеем. Главное, не продешевить. Женька, можно сказать, всю жизнь ждала наследства, и теперь в знак признательности тете мы просто обязаны продать дом как можно дороже. – У меня вот еще какой вопрос, – сказала подруга. – Вам случайно не знаком Епифанов Виктор Николаевич?

Этот вопрос я и сама собиралась задать, но Женька меня опередила, чем вызвала легкое недовольство у меня и недоумение на лицах наших гостеприимных хозяев. Недоумение сменилось беспокойством. Задорнов нахмурился, кашлянул и с преувеличенным вниманием стал разглядывать стол. Арина тряхнула головой со светлыми кудряшками и с неохотой ответила:

– Так это ж Витя-псих.

Теперь мы с Женькой переглянулись.

– В самом деле псих? – подала голос подруга.

– Еще какой. Его весь город боится, он тут такие коленца откалывает, и все помалкивают, а менты делают вид, что ничегошеньки не знают. – Арина махнула рукой. – Вы бы, Евгения Петровна, написали статью о том, что у нас здесь творится, может, тогда наконец в городе порядок наведут.

– А кто он вообще такой, этот Витя? – спросила Женька. Для меня ответ был очевиден, так и оказалось.

– Бандит. Самый что ни на есть настоящий. Обложил всех данью, а сам живет припеваючи.

– Женат? – влезла я.

– Кто ж за него пойдет? Он же псих. Жила с ним одна, но куда-то пропала. То по городу гоняла на своем «мерсе», то вдруг нет ее, а «мерс» Витя Гаврилову продал, у того несколько магазинов в городе, продуктовых. Одни говорили, девица сбежала, другие, что он ее убил.

«И этот псих, судя по всему, с какой-то стати заинтересовался Женькиным наследством», – подумала я с тоской. Арина и Задорнов продолжали смотреть с беспокойством, словно гадали, чего от нас еще можно ожидать. Я решила, что нам пора прощаться, едва заметно кивнула Женьке, она намек поняла, поднялась и сказала:

– Спасибо вам большое, мы, пожалуй, поедем. Посмотрим на наследство, прежде чем его продавать.

– Да, да, – закивал Задорнов. – По-моему, разумнее не торопиться, взвесить, так сказать…

Он пошел нас провожать, забыв про ключ от тетушкиного дома, мы о нем вспомнили тоже в последний момент. Задорнов хлопнул себя по лбу ладонью и бросился в свой кабинет, откуда вернулся с плотным конвертом в руке. В конверте были четыре ключа, соединенные колечком.

– Здесь два комплекта, – пояснил Задорнов. – Вот эти от замка парадной двери, а эти от двери на веранде. В доме после похорон ничего не трогали. Умерла Дарья Кузьминична в районной больнице, которая находится здесь неподалеку, и похоронили ее на местном кладбище, как она завещала. Деньги на похороны она оставила соседке, та занималась всем… впрочем, я все это уже говорил. Что ж, желаю вам счастливого пути, – улыбнулся Задорнов. – Надеюсь, еще увидимся.

Пока мы разговаривали, стоя у машины, Арина успела сбегать в книжный магазин, который был тут же на площади, и вернулась с моим последним детективом. Я подписала книгу, и мы наконец простились.

– Вот ведь свинство, – заявила Женька, как только мы тронулись с места. – Ни коня, ни воза, а уже какой-то бандит нарисовался.

– Может быть, стоит Ромке позвонить? – нахмурилась я, бандитов я в принципе не жаловала, а в досягаемой близости тем более.

– Подождем покуда, – вздохнула подруга. – Этот Виктор хоть и псих, но ведет себя вполне прилично. Даже не показывается. Я думаю, он свою подружку к нам подослал, будучи уверен в том, что, если сам нарисуется, нам сразу же донесут, кто он такой, и мы с перепугу дела с ним иметь не захотим. Вот парень тень на плетень и наводит. Оттого все эти шпионские страсти с телефоном и чужой фамилией. Мне как-то спокойнее стало. Всегда легче, когда знаешь, что происходит. Ты чего молчишь? – удивилась Женька. Я пыталась разделить ее оптимизм, но выходило не очень.

– Прикидываю, зачем местным бандитам дом в деревне понадобился.

– Ну… на охоту ездить, и вообще… отдыхать.

– Ты по сторонам посмотри, это же и есть деревня, и до Верхней Сурьи отсюда тридцать километров, даже по плохой дороге за час доедешь.

– Ну, тогда не знаю.

– Разберемся, – сурово сказала я. – Посмотри на карту, в какой стороне находится твоя Сурья?

– Подожди, – ответила Женька. – Поезжай прямо. Там впереди, за монастырем, кладбище. Надо тетку навестить. Хоть я ее знать не знала, но наследство обязывает.

Из-за поворота показалось кладбище. Старое, обнесенное стеной из красного кирпича, металлические ворота на замке, но калитка рядом приоткрыта. Возле нее сидела женщина на складном стульчике и торговала искусственными цветами. Не успели мы выйти из машины, как она громко сказала:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – отозвались мы, приближаясь. Женька купила шесть хризантем. Разговорчивая женщина поинтересовалась, откуда мы приехали, а узнав, к кому, вызвалась пока-

зать могилу. Женька здесь уже была в прошлый приезд и в провожатых не нуждалась, а вот я проявила интерес:

– Вы были знакомы с Дарьей Кузьминичной?

– Нет. Просто за последний год здесь только однажды хоронили. Кладбище закрыли лет пятнадцать назад, теперь за городом хоронят, а тут, если только родня есть, ну и место, конечно.

Мы прошли через калитку и отправились по тропинке, петлявшей между оградами. Женька шла впереди, я за ней, разговаривать так было неудобно, да и обстановка располагала к молчанию.

Женька в очередной раз свернула, впереди показалась часовенка, которую недавно побелили. Не доходя до нее пару метров, подруга остановилась и оперлась рукой на ограду. Я подошла и встала рядом. Ограда была большой, добротной, выкрашена синей краской с набалдашниками на столбах под серебро. Внутри пять могил, обложенные кирпичом, с металлическими крестами в изголовье, и свежий холмик с двумя венками и деревянной табличкой. «Патрикеева Дарья Кузьминична», – прочитала я, далее следовала дата смерти. Женька открыла калитку, прошла к могиле, пристроила цветы, выпрямилась и, переминаясь с ноги на ногу, тихо произнесла:

– Здравствуйте, – покосилась на меня и добавила: – Это Женя, которой вы дом завещали.

– Говори громче, – посоветовала я. – Она плохо слышит.

– Анфиса, – сказала Женька укоризненно. – Иногда ты бываешь совершенно бесчувственной. Я понятия не имею, как вести себя на кладбище, особенно с незнакомыми людьми.

– Ладно, не злись, – вздохнула я и вдруг брякнула: – Я – Анфиса, Женькина подруга.

– Ты издеваешься, что ли? – рыкнула Женька, а я отмахнулась:

– Сосредоточься на тете.

– Я пытаюсь.

Чтобы не мешать Женьке, я отошла к соседней могиле, где на кресте была табличка «Антонов Лев Кузьмич».

– Это ее брат, – сказала Женька, приблизившись ко мне. – А это, надо полагать, их мама, двоюродная сестра моего деда, и их отец.

Я перевела взгляд на табличку. «Антонова Капитолина Васильевна». «Антонов Кузьма Григорьевич».

– А это, соответственно, бабушка Патрикеевой, – поясняла Женька, подходя к следующей могиле. «Добролюбова Прасковья Тихоновна». Женька постояла возле могилы с сосредоточенным видом и начала томиться. Признаться, и я толком не знала, как следует вести себя на кладбище, оттого тоже стала переминаться с ноги на ногу. Внимание мое привлекли две могилы, что находились в соседней ограде, рядом с часовенкой.

– «Добролюбова Евдокия Васильевна», «Добролюбова Екатерина Васильевна», – прочитала я. – Интересно, это тоже твои родственницы? – повернулась я к Женьке.

– Тогда почему они лежат там, а не здесь? Может, однофамилицы?

– Отчество такое же, как у матери Патрикеевой, и родились они всего на несколько лет позднее, так что они могут быть сестрами.

Женька пожала плечами.

– Ну, что, пойдем? – спросила она неуверенно.

Я кивнула, направилась к калитке и тут обратила внимание вот на что: на последнем кресте было две таблички. На той, что сверху, значилось «Добролюбова Екатерина Васильевна», на той, что снизу, керамическая вставка треснула и наполовину раскололась. Когда красили крест в последний раз, прошлись кисточкой и по этой вставке, но в одном месте краска отслоилась, и под ней виднелась буква «Ф», видно, первая буква фамилии.

– В этой могиле похоронен еще кто-то, – сказала я. Женька посмотрела на меня с сомнением.

– Как такое может быть?

Я пожала плечами.

– Тогда что, по-твоему, было на этой табличке?

– Ну… какая-нибудь надпись, типа «мы тебя помним».

– Вряд ли. Букву «Ф» видишь?

– Вижу, – кивнула Женька.

– Что за надпись начинается с буквы «Ф»?

– А что за фамилия? – съязвила Женька.

– Тебе лучше знать своих родственников. Кладбище старое, пришлось потесниться, и в целях экономии один крест теперь стоит на двух захоронениях.

– Гениально. Чего ж тогда табличку замазали?

– Может, это какой-то дальний родственник? Когда табличка пришла в негодность, восстанавливать ее сочли излишним.

– Любишь ты фантазировать, – недовольно буркнула Женька.

Той же тропинкой мы вернулись к машине. Женщина, что торговала цветами, успела уйти, теперь о ее недавнем присутствии напоминали только три пустые коробки, стоявшие друг на друге.

– Надо заехать за продуктами, – сказала я. – Неизвестно, есть ли магазин в этой Верхней Сурье.

Женька согласно кивнула, и мы поехали искать магазин. Он оказался за ближайшим поворотом, и выбор продуктов приятно нас удивил. Побросав пакеты в багажник, мы принялись разглядывать карту.

– Давай прямо и направо, – скомандовала Женька.

Вскоре мы выехали из города, асфальтовая дорога узкая, вся в рытвинах, привела нас в деревню Навыхино, за ней асфальт кончился. Теперь дорога была песчаной, но хорошо накатанной. Вопреки Женькиным опасениям, еще пятнадцать километров мы проехали без особых неудобств и обнаружили указатель «Верхняя Сурья, 6 км». Свернули, достигли перелеска, а миновав его, увидели церковь на пригорке.

Очень скоро появились первые дома, добротные, двухэтажные, возле ближайшего из них стояла иномарка с московскими номерами.

– По-моему, все выглядит вполне прилично, – заметила я.

Широкая улица казалась бесконечной. Женька поглядывала на номера домов, мы как раз проезжали мимо сорок девятого, а Женькин был под номером один. Крутой поворот, здесь здания выглядели совсем иначе. Обрывалась улица на холме возле реки, где стояла церковь. Сообразив, что дальше дороги нет, я притормозила и взглянула на Женьку. Седьмой дом мы проехали, и он был последним, а вот еще три дома куда-то запропастились.

– Сдавай назад, – буркнула Женька.

Где нужный нам дом, оставалось лишь гадать. Впрочем, гадать пришлось недолго, на крыльце девятого дома появилась женщина в полосатом халате и белой косынке, я открыла окно и обратилась к ней:

– Простите, где здесь первый дом?

Женщина приблизилась, глядя на нас с интересом, я решила выйти из машины, Женька подумала и тоже вышла.

– Первый? – хрипло переспросила женщина. На вид ей было лет семьдесят, лицо с крупными чертами успело загореть под солнцем. – У восьмого дома сворачивайте в прогон, – начала объяснять она, указывая рукой направление. – Вдоль реки идет дорога, по ней и поезжайте. Он на отшибе стоит, отсюда его не увидишь.

– Спасибо, – кивнула я.

Женщина продолжала стоять, разглядывая меня с таким интересом, что я решила: она меня узнала, но не тут-то было.

– Вы что ж, новая хозяйка? – спросила она и вдруг улыбнулась, словно это предположение показалось ей забавным.

– Подруга, – я кивнула на Женьку. – Вот, решили взглянуть на наследство.

– Взглянуть – это хорошо, – вновь улыбнулась женщина. – И что, ночевать там думаете? Или посмотрите да назад в город?

– Собираемся остаться на пару дней.

– В доме? – уточнила она.

– Конечно, в доме, – ответила я настороженно, заподозрив подвох.

– Ну-ну… – женщина пожала плечами и отвернулась. – Если что, так я комнату могу сдать. Хорошая комната. Прошлым летом у меня москвичи жили…

– Много здесь москвичей? – влезла в разговор Женька.

– Да как грязи.

– Далековато от Москвы, – не унималась подруга.

– Бешеной собаке сто верст не крюк, – хихикнула женщина, что-то в нашем облике ее, по неведомой причине, забавляло. Женька несколько смущенно сказала «спасибо» и направилась к машине, я пошла за ней, хотя была не прочь продолжить разговор. Слова тетки меня насторожили. – Если надумаете, приходите. Девятый дом, Надежда Николаевна меня зовут.

– Спасибо, – еще раз повторила Женька, захлопнула дверцу и, повернувшись ко мне, буркнула: – Странная баба. Смотрит как-то… И с какой стати у нее ночевать, если у нас здесь дом?

– Задорнов говорил, там необходим ремонт, может, дом в таком состоянии, что жить в нем невозможно? – высказала я предположение.

– Но тетка-то жила…

– Ладно, сейчас увидим…

Я завела машину, и мы поехали дальше. Тут Женька чертыхнулась:

– Забыла спросить, где живет Ольга Степановна, теткина подруга.

– Успеется, – отмахнулась я, сворачивая в прогон.

Дорога круто спускалась к реке, я подумала, что после дождя в эту гору на моей машине, пожалуй, не поднимешься. Впрочем, дождей в ближайшие дни не обещали.

Теперь дорога шла вдоль реки, над нами возвышалась церковь, недавно отреставрированная, с высокой колокольней, река делала поворот, справа начинался лес, между зарослей ивы был проход к реке. Из окна машины виднелся длинный настил из досок, что-то вроде купальни.

– Красота-то какая, – вздохнула Женька.

И в самом деле, вид отсюда открывался великолепный. Река не широкая, на противоположном берегу луг и березовая роща.

– Красота, – согласилась я.

Теперь дорога шла в гору, подъем мы преодолели без труда и сразу увидели дом, обычный, деревенский, окна выходили в сторону реки.

– Вот он, – сказала я, но тут же поняла, что ошиблась.

Дом Женькиной тетки должен быть двухэтажным. Дорога огибала строение, я увидела цифру пять на фасаде, дальше рос огромный дуб, дорога вновь сделала поворот, чуть в стороне стоял еще один дом, а дальше шли сплошные заросли. Так, по крайней мере, казалось на первый взгляд.

– Может, мы не там свернули? – забеспокоилась Женька.

– Давай проедем еще немного, куда-то эта дорога ведет, – отмахнулась я.

И тут между деревьев мелькнуло что-то белое, проехав метров пятьсот, мы увидели деревянный забор, его поддерживали столбы из белого кирпича. Мы направились вдоль забора и наконец увидели дом, то есть сначала мы увидели парк, не сад, а именно парк с высоченными деревьями, в глубине парка стояло здание.

– Впечатляет, – присвистнула Женька. – Неужто это мое наследство?

– Родовое гнездо, – без намека на иронию заметила я.

Малой скоростью мы проехали еще немного, дорога уперлась в ворота. Деревянные, резные, запертые на здоровенный замок. Рядом была калитка, ее изрядно перекосило, и закрывалась она неплотно. Я остановила машину возле ворот и повернулась к Женьке.

– Ну что, идем?

– А вдруг это вовсе не мои владения? – забеспокоилась она.

– Сейчас выясним, – сказала я и направилась к калитке.

Женька трусила рядом, оглядываясь с беспокойством. Калитка со скрипом открылась, когда я потянула ее на себя, в тишине звук этот вышел громким и почему-то пугающим. Я подумала, что тишина здесь стоит совершенно невероятная, ни шороха, ни звука, как будто все вокруг замерло в напряжении. Я сделала шаг вперед, а Женька схватила меня за руку.

– Ты чего? – удивилась я.

– Знаешь, Анфиса, мне все-таки кажется, это не тот дом.

– Так давай спросим у хозяев.

Я пошла по тропинке, Женька следовала за мной, чуть поотстав. От ворот до строения было метров сто, тропинка вела к высокому крыльцу. Я огляделась, все вокруг выглядело заброшенным, точно люди давно покинули это место. Дом был огромным, то есть поначалу я решила, что не такой уж он и большой. Двухэтажный, обшит досками, которые лет тридцать не красили, они успели почернеть от времени. На фасаде пять окон на первом этаже, и столько же на втором. Над крыльцом тоже окошко, но гораздо меньше остальных. Вокруг заросли крапивы, чуть в стороне скамейка, рядом с которой стоит ржавое ведро. Номер на фасаде отсутствует. Окна закрыты ставнями. Ступени крыльца подгнили, сквозь них пробивалась крапива. Когда-то дом выглядел величественно, но теперь от былого великолепия мало что осталось. Железную крышу давно следовало покрасить, как и сам дом. В двустворчатой двери, выкрашенной коричневой краской, которая успела облупиться, было небольшое окошко, его заделали фанерой.

– Давай ключи, – сказала я Женьке. Та с неохотой полезла в сумку, достала связку и протянула ее мне.

– Задорнов прав, – вздохнула она. – Здесь на ремонт уйдет куча денег.

– Ты же дом продавать собираешься, – ответила я. – Следовательно, ремонт не твоя забота.

Я вставила ключ, он легко повернулся в замке, и я толкнула дверь.

– Подошел, – со вздохом заметила Женька, как будто это обстоятельство сильно ее опечалило.

Мы сделали пару шагов и остановились. Откуда-то пробивался слабый свет. Я вспомнила, что ставни закрыты, распахнула дверь пошире и стала оглядываться в поисках выключателя. Женька заметила его первой, раздался щелчок, и вспыхнул свет. Мы стояли в просторном холле, впереди была лестница на второй этаж, на площадке между пролетами круглое окно, оттуда свет и пробивался. Слева открытая дверь вела в кухню. Мы шагнули туда и присвистнули. Чувство было такое, будто мы мгновенно перенеслись лет на шестьдесят назад. Кухня-столовая оказалась не меньше тридцати метров. Справа резной буфет, газовая плита, еще один буфет, в простенке между окон комод. Слева круглый стол, покрытый скатертью с кистями, поверх нее постелена клеенка. Над столом абажур. Женька прошла к окну, открыла его и распахнула ставни. Только когда в кухню ворвался свежий воздух, я поняла, какая духота царит в

доме. Немудрено, что мне было трудно дышать. Женька открыла второе окно, теперь мы могли рассмотреть помещение во всех деталях.

Массивные стулья с потертыми сиденьями из синего бархата, шторы с кистями на окнах, побитые молью, громоздкая мебель, в буфете два сервиза, безусловно, антиквариат, многочисленные вязаные салфеточки, вазочки. Странная смесь заброшенности и уюта. Трудно было представить, что еще совсем недавно кто-то здесь жил, пользовался этими вещами. Я обратила внимание на линолеум под ногами, постеленный не так давно, он диссонировал с общим видом столовой, словно попал сюда из другого мира. Впрочем, так оно и было.

– Продолжим осмотр? – усмехнулась Женька.

– А мне здесь нравится, – оглядываясь в который раз, сказала я. – А тебе?

– Не уверена. Вряд ли вся эта рухлядь чего-то стоит.

– Попробуй отвлечься от своих корыстных мыслей, – посоветовала я. – И получай удовольствие.

– Удовольствие – это вряд ли. Тебе все это, может, и интересно как декорация к ретродетективу… – Женька хихикнула и махнула рукой: – Ладно, идем дальше. Первым делом надо открыть все окна, иначе мы здесь попросту задохнемся.

Предложение показалось мне разумным. Мы прошлись по первому этажу, вот тогда и стало ясно: дом гораздо больше, чем я решила поначалу. Напротив кухни была гостиная, с камином, что меня приятно удивило. Камин был выложен бело-голубой плиткой с рисунком: пузатые ангелочки, фрукты. На кожаном диване, которому было, по меньшей мере, лет сто, подушки с вышивкой, все те же ангелочки, только теперь розовые, цветом и упитанностью больше напоминавшие поросят. Ангелочков вообще было в избытке: на картине, что висела над камином, они держали гирлянды цветов, фигурки ангелов стояли на комоде, украшали основание торшера, часы на консоли у противоположной стены и напольную вазу возле окна.

– Слушай, а что ты знаешь о своих родственниках? – обратилась я к Женьке. – Чем твоя тетка занималась, к примеру? Откуда этот дом и вообще…

– Понятия не имею. Мамуля, по-моему, тоже не в курсе, а больше, как ты понимаешь, спросить не у кого.

– На дворянскую усадьбу не похоже, – развивала я свою мысль. – А на крестьянский дом тем более.

– Да уж… мебели, по-моему, с избытком, и все какой-то хлам.

– Ты опять за свое? – возмутилась я.

– Прикажешь восхищаться этой рухлядью? Нет уж… ничего хорошего я здесь не нахожу.

За гостиной шли две комнаты, первая, судя по всему, спальня хозяйки. На окнах тюлевые занавески, узкая кровать, застеленная синим покрывалом, прикроватный столик, на нем лежала Библия и очки. У стены стоял большой шкаф, открыв дверцу, я увидела одежду на плечиках, все сильно поношенное. На полу ковер, в двух местах вытертый до дыр.

– Пойдем отсюда, – позвала Женька. Я поторопилась покинуть комнату, чувствуя себя так, будто вломилась сюда без ведома хозяйки. Рядом с этой комнатой была еще одна, там тоже стояла кровать, но не застеленная, матрас был свернут и лежал в изголовье. Дальше шла ванная, то есть ванной как таковой не было, только душ, комната оказалась облицована белой плиткой, сам душ больше напоминал садовую лейку, торчал почти под самым потолком. Рядом стояла газовая колонка. Я подошла и повернула кран под душем, что-то зашипело сначала громко, потом тише, но вода не полилась.

– Ну вот, и воды нет, – вздохнула Женька.

– Может, где-то кран перекрыли? – предположила я.

– Может. Ты что-нибудь понимаешь в кранах? Я – нет. Сомневаюсь, что у меня возникнет желание остаться здесь до утра.

– Не бурчи. Ты что, забыла, зачем мы сюда приехали?

– Зачем? – хмыкнула Женька. – Восхищаться всем этим хламом?

– За этот хлам кто-то собирается заплатить хорошие деньги.

– Весной, как известно, у психов обострение.

Женька толкнула дверь в соседнюю комнату. Там был туалет. Она сморщила нос и отправилась дальше. Еще одна комната: шкаф и диван, которые были в ходу лет сорок назад, и телевизор на тумбочке. Здесь мы не задержались. Застекленная дверь выходила на веранду. Овальный стол, выкрашенный белой краской, шесть стульев и шкаф с посудой. С веранды можно было попасть в сад, дверь была заперта на ключ, открыв ее, я увидела куст сирени рядом со ступенями. Ветви прогнулись под тяжестью цветов, а запах стоял такой, что захотелось вдохнуть полной грудью, а потом заорать что-нибудь глупое, например, как прекрасна жизнь. Я бы непременно заорала, если бы не унылая Женькина физиономия. Подруга могла воспринять мой порыв как издевательство.

Я схватила Женьку за руку и потянула в сад: с десяток яблонь, чуть в стороне от них грядки, которые поросли сорной травой, и кусты сирени. Там стояла садовая скамейка, которую не так давно покрасили. Женька прошлась по тропинке до забора, в котором зияла внушительного вида дыра, и вернулась назад.

– Забор того гляди рухнет, – недовольно сообщила она.

– Посмотри, какая красота, – разозлилась я. Женька плюхнулась на скамейку, посмотрела на дом с печалью и сказала:

– По-моему, Задорнов прав, больше двухсот пятидесяти тысяч это счастье не стоит. Земли, конечно, полно, и вид из окон красивый, речка, лес, рай для дачников. А что касается дома, по-моему, легче его снести и построить новый, чем этот ремонтировать.

– Возможно, – не стала я спорить. – Но мы сюда приехали узнать, почему дом пользуется такой популярностью.

– Глупости все это, Анфиса, – поморщилась подруга. – Ты же слышала, москвичей здесь полно, а для них десять тысяч долларов не такая уж большая сумма.

– Давай продолжим осмотр, – предложила я. Женька с неохотой последовала за мной.

За следующей дверью оказалась кладовка, доверху забитая всякой рухлядью, рядом была еще одна дверь. Женька подергала за ручку, но дверь не подалась.

– Заперто, – решила я, Женька отрицательно покачала головой.

– Ничего подобного. Если и заперта, то изнутри.

– С чего ты взяла?

– С того, что замок отсутствует. Видишь, ручка есть, а личины нет. Значит, комнату заперли изнутри.

– А сами что, в окно вылезли? – насмешливо спросила я.

– Наверное, так. По-другому не получается.

– Глупость какая-то, – возмутилась я.

– Давай со стороны улицы посмотрим, – предложила подруга.

– Что посмотрим?

– Окно, естественно. Я не знаю другого способа, как, закрыв дверь изнутри, выбраться из комнаты. Хотя окно открытым оставлять еще большая глупость.

– Мы про ставни забыли, – озарило меня. – Конечно, вылезли в окно, а потом заперли ставни со стороны улицы.

– Как заперли?

– На замок, наверное.

Мы вернулись на веранду и оттуда вышли в сад.

– Далась нам эта комната, – ворчала я.

– Ага, – хмыкнула Женька. – Еще бы понять, с какой стати покойная тетушка лазила в окно.

Мы свернули за угол дома, где начинались крапивные заросли. Сюда выходили два окна, одно на первом этаже, другое – на втором. То, что на первом, было не только закрыто ставнями, но и заколочено. Доски, успевшие потемнеть, были плотно подогнаны друг к другу.

– И чем тетушке не полюбилась эта комната? – почесав нос, вопросила Женька, хмуро разглядывая окно, которое теперь таковым назвать было никак нельзя. Усмотрев в лице подруги некую маету, я настоятельно посоветовала себе найти разумное объяснение феномену и принялась вдохновенно фантазировать.

– Окно на первом этаже и расположено неудобно, то есть, я хотела сказать, очень удобно для воров. Эта часть сада совершенно запущенная, рядом забор, а перелезть через него проще простого. Тетка жила одна в огромном доме, естественно, боялась грабителей, вот окно и заколотили.

Женька кивнула, судя по всему, мое объяснение ее удовлетворило.

– Ладно, идем отсюда. – Она повернулась, угодила в крапиву и в досаде чертыхнулась. – Знаешь, Анфиса, жизнь на природе не кажется мне особенно привлекательной.

– Завтра сходим на речку, позагораем, прогуляемся по лесу… А какой прекрасный вид открывается из окна…

– Жаль, что за вид много не платят, когда дом дрянь дрянью.

– Не преувеличивай. Нормальный дом. Конечно, требует ремонта, но в целом…

Я-то думала, мы поднимемся на второй этаж, чтобы продолжить осмотр, но Женька направилась к двери, той, что была заперта, и стала разглядывать ее с таким усердием, словно надеялась обнаружить за ней карту сокровищ. Я вздохнула, но решила, что лучше подождать, когда ей надоест заниматься ерундой.

– А дверь-то заколотили, – присвистнув, заявила она и посмотрела на меня с особым выражением, что намекало на грядущие испытания.

– Заколотили? – переспросила я, приближаясь.

– Видишь гвозди? Вот здесь, и здесь, и здесь… – Женька водила рукой, указывая мне на шляпки гвоздей, я насчитала восемь штук. – С гвоздями у тетки, по крайней мере, проблем не было, она их не жалела, – вздохнула подруга, а я поспешно сказала:

– Это только подтверждает мои слова, что она боялась воров и для верности заколотила не только окно, но и дверь.

– Ага, – вяло согласилась Женька.

По скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж, его вид вогнал подругу в депрессию: длинный коридор, по обе стороны которого шли комнаты. За ближайшей дверью оказалась кладовка, как и та, что внизу, забитая разным хламом. Две комнаты были совершенно пусты, если не считать кровати с металлической сеткой, одиноко стоявшей возле окна в первой комнате. Дальше следовали две спальни, на полу половики в полоску, кровати застелены покрывалами, но вид и у той, и у другой был совершенно нежилой. Не удивлюсь, если тетушка месяцами сюда не заглядывала. Мы распахнули ставни и оставили окна открытыми, чтобы проветрить помещение. Впереди была последняя дверь, я толкнула ее, быстро прошла к окну, открыла обе створки и только потом огляделась. Это оказался кабинет. Причем, вне всякого сомнения, хозяином его был мужчина.

– У твоей тетки, кажется, был брат? – спросила я Женьку.

– Был. Ты же видела его могилу. Вот здесь он, выходит, и жил.

Возле окна стоял письменный стол с зеленым сукном, рядом кресло с резной спинкой. На столе, точно музейные экспонаты, были расставлены письменный прибор, пресс-папье из бронзы, колокольчик и две фигурки собак, кажется, из серебра. Ящики стола были заперты, но ключи лежали тут же. Кожаный диван с полками, на которых стояли фигурки животных, и шкафы с книгами. Бегло просмотрев корешки, я убедилась, что большинство книг издано еще до революции.

– Да здесь целое состояние, – сказала я, желая придать Женьке оптимизма. Она тут же материализовалась рядом.

– Где?

– Книги видишь? – некоторое поглупение подруги было вполне извинительно.

– Что, есть редкие издания? – воодушевилась она.

– Надо будет хорошенько все осмотреть. Возможно, найдется что-нибудь по-настоящему ценное. Но даже то, что я сейчас вижу…

– Слушай, может, покупатели клюнули на дом как раз из-за этих книг? – высказала предположение Женька.

– Довольно наивно ожидать, что ты продашь библиотеку вместе с домом.

– Почему же наивно? Допустим, я дурочка, которая считает старые книги просто ненужным хламом?

– Знаешь, дорогая, сейчас даже бабулькам в глухих деревнях прекрасно известно значение слова «антиквариат». Все старое стоит денег. Можешь мне поверить, тебе даже сломанную прялку за здорово живешь не отдадут.

– Да, прогресс достиг самых отдаленных уголков, – кивнула Женька, вроде бы опечаленная данным обстоятельством. – А там что? – указала она на дверь рядом с книжным шкафом. – У меня от этих дверей уже в глазах рябит.

– Думаю, там спальня, – пожала я плечами.

Комната оказалась узкой, как пенал, и без окна. Возле стены стояла кровать, застеленная одеялом, над кроватью свисала лампочка на длинном шнуре. Вдоль противоположной стены шли стеллажи, буквально заваленные книгами и папками с какими-то бумагами.

– Чем твой дядя занимался? – спросила я Женьку.

– Господи, откуда же мне знать?

– А надо бы. Вдруг он какой-нибудь изобретатель, сконструировал вечный двигатель, над ним все смеялись, а теперь…

– Смеяться перестали, – подсказала Женька ехидно. – И решили изобретение себе присвоить. Вот за что я люблю тебя, Анфиса, так это за способность сочинить детектив на ровном месте.

– Кто бы говорил, – хмыкнула я. – Ладно, с бумагами позже разберемся. Ну, что? Вроде бы все осмотрели…

– Как все? Ты что, не видишь очередную дверь?

В самом деле, странно, что я ее не заметила. Наверное, потому, что украшала ее картина в рамке. На картине изображена обнаженная толстуха на леопардовой шкуре. Дверь находилась прямо напротив изголовья кровати и, должно быть, скрашивала одинокие ночи дядюшки.

– Он, кстати, был женат?

– Мамуля говорит, нет. Он вроде бы считался недалеким, с придурью, проще говоря, хотя мама могла напутать, и это кто-нибудь другой дураком был.

Женька распахнула дверь, картина при этом едва не слетела, пришлось поддерживать ее рукой. За дверью оказался туалет и душ. Ну, вот и все. Осмотр закончен.

– На первом этаже под лестницей еще дверь была, – вздохнула Женька, которой наследство упорно не нравилось.

– Хорошо, проверим дверь и начнем выгружаться.

Покидая спальню, я обратила внимание на то, что в двери торчит ключ, и подумала: брат с сестрой, скорее всего, не особо ладили, хотя, может быть, просто предпочитали иметь личную территорию, не досаждая друг другу. Спустившись по лестнице, мы увидели еще дверь, запертую, но с ключом в замке. И через мгновение оказались в подвале. Двигаться здесь можно было в полный рост, что существенно облегчало осмотр, но ничего заслуживающего внимания

мы не обнаружили: полки для хранения банок, контейнеры и несколько пчелиных ульев, разумеется, пустых.

– Надо подогнать машину к дому и перенести вещи, – сказала я, когда мы выбрались из подвала. – А знаешь, по-моему, все не так уж плохо. Перед домом хоть и маленький и весьма запущенный, но самый настоящий парк. Кстати, надо привести его в порядок. Наймем кого-нибудь скосить траву, избавимся от крапивы, дорожки расчистим…

Женька едва заметно поморщилась.

– Это ж сколько времени займет… Не представляю, что мы будем здесь делать.

– Я же сказала – крапиву дергать. Если мы сможем привести участок в приличное состояние, твоя собственность сразу же поднимется в цене, – добавила я, решив направить Женькины мысли к позитиву. Она опять поморщилась.

– Крапиву дергать я не против, но… может, нам сегодня переночевать у соседки? Этой, как ее…

– Надежды Николаевны, – подсказала я.

– Точно. Она приглашала.

– На всякий случай напоминаю, – начала я сурово. – Твоя тетка умерла не здесь, а в больнице, так что если в твоей голове бродят всякие глупые мысли…

– Ты лучше скажи, ну на фига нормальному человеку дверь в комнату гвоздями заколачивать?

– О господи, – простонала я. – Мы же все решили…

– Это ты решила. Вот что хочешь говори, а дом мне не нравится. И ночевать я здесь ни за что не останусь. Да я здесь не усну, а если усну, непременно какая-нибудь гадость приснится. Уж я-то знаю.

– Я не собираюсь жить у соседки. Если ты намерена валять дурака – пожалуйста, но только без меня. Утром я уеду, мне роман писать надо. Так что вещи можно не распаковывать.

– Ты в самом деле хочешь здесь ночевать? – чуть не плача спросила Женька.

– Конечно. Надо выбрать комнаты для жилья, навести там порядок. Здесь пыли скопилось – не продохнуть. На кухне тоже следует убраться. Сейчас приготовим ужин, поедим и приступим к уборке, как раз до темноты успеем.

– Хорошо, – кивнула Женька. – Только если… – Договорить она не успела, входная дверь скрипнула, мы, как по команде, замерли и испуганно переглянулись. Только я в досаде хотела отругать Женьку: мол, она и себя, и меня запугала так, что от скрипа мы в столбняк впадаем, как услышала женский голос. Кто-то звал от двери:

– Хозяева…

Вздохнув с облегчением, я поспешила на зов.

В дом осторожно вошла женщина лет шестидесяти, в синей юбке и кофточке с пестрым рисунком, на голове косынка, из-под которой выбивались седые волосы.

– Здравствуйте, – сказала она, увидев меня, и улыбнулась: – Приехали?

Подошла Женька, и теперь гостья переводила взгляд с нее на меня, продолжая улыбаться. Мы дружно поздоровались.

– Вы, стало быть, Женя, племянница Дарьи Кузьминичны? – ни к кому в отдельности не обращаясь, спросила женщина.

– Да, – кивнула подружка.

– А я соседка ваша, Кириллова Ольга Степановна, вам Игорь Павлович, адвокат, должно быть, про меня говорил.

– Да-да…

– Ну, вот, будем знакомы. – Ольга Степановна протянула руку, и мы по очереди ее пожали, представившись.

– Значит, приехали? Мы с Кузьминичной много лет дружили, вот я пока за домом и приглядывала. Окна, смотрю, настежь, и машина стоит… Ставни я закрыла на всякий случай, хотя у нас не шалят. Если честно, в дом проще через дверь войти, замок на веранде хлипкий, да и дверь-то стеклянная. У нас, слава богу, все тихо, воровства давно не было. Но дом-то на отшибе, я уж так, для порядка.

– Вы проходите, пожалуйста, – опомнилась я. – Вот сюда, в столовую. Может быть, чаю? Я сейчас в машину сбегаю…

– Не беспокойтесь, – замахала руками Ольга Степановна. – Я на минуточку. Вам сейчас не до гостей. Надолго приехали?

– Пока до выходных.

– Ага. Вот и славно. И мне спокойней, под присмотром дом. Продавать будете?

– Да, наверное, – наконец-то обрела Женька голос.

– Дом-то больно большой да ветхий, но, может, кто и купит, среди московских дачников поспрашивать надо. Значит, до выходных? Я вот по поводу денег сказать хотела, тех, что Кузьминична на похороны оставила. У меня на все бумаги есть, и на гроб, и на венки… поминали ее в столовой, в городе, десять человек было, чек я тоже сохранила. Осталось у меня три тысячи, я и бумаги, и деньги принесу. Вы уж извините, что я тут хозяйничала, но адреса вашего отыскать не могла, а Задорнова на ту пору не оказалось…

– Спасибо вам огромное, – сказала Женька и заверила, что чеки ей ни к чему, она очень благодарна Ольге Степановне за участие и так далее… – Честно говоря, я о тете даже не знала, – раз пять повторив «спасибо» и выслушав рассказ соседки о похоронах и поминках, поведала Женька. – Дед умер, и связь между нами оборвалась.

– Да-да, Кузьминична рассказывала. У нее, кроме вас да мамы вашей, никакой родни не осталось. А на вашу маму она за что-то обижена была. Вы уж простите, что я говорю об этом… Когда брат помер, я ей все твердила, сыщи племянницу, помирать будешь, кому дом оставишь, кто тебе глаза закроет да похоронит по-людски? А она мне «ты и похоронишь», но все-таки за ум взялась и завещание написала. Когда она в больнице была, я хотела вас сыскать, но она ни в какую, говорит, почто я ей, чужой, считай, человек? Возле меня сидеть, тоску гонять да ждать, когда помру? Она упрямая была, страсть. Так я ее и не уговорила. Вот помру, твердит, получит она дом в наследство, может, и вспомнит тетку добрым словом. Мать ее покойная очень не хотела, чтоб дом в чужие руки попал. Дому-то, почитай, сто пятьдесят лет. И бабка Дарьина здесь жила, жалко в чужие руки отдавать. Уж я, говорит, родной душе оставлю, а там как хочет, пусть продает. А может, говорит, сама ездить будет на лето, деток вырастит, и дом еще постоит.

Женька при этих словах едва не прослезилась, должно быть, представив себя здесь с детками и устыдившись, что собиралась сбыть с рук родовое гнездо подороже.

– Далековато сюда на выходные ездить, – влезла я, желая привести Женьку в чувство. Дом мне нравился, но ремонт влетит подруге в приличную сумму, которой у нее нет, опять же, пока детки не появятся, ездить с ней сюда придется мне, а у меня есть своя дача и Ромка, которому эта идея совсем не придется по вкусу.

– Оно понятно, – кивнула Ольга Степановна. – Хотя москвичи ездят… Дело хозяйское, продавать или нет. Я уж так, к слову. Привыкла Кузьминична к дому-то, я сколько раз ей говорила, почто тебе такая махина, продай, купи поменьше, забот никаких, и самой-то спокойнее, а она твердит: здесь родилась, здесь и помру. Вот так… Заговорила я вас, – женщина поспешно поднялась со стула. – А вы с дороги, отдохнуть надо. Если что понадобится, я тут, неподалеку, пятый дом, вы, поди, видели, когда ехали, синей краской крашенный. Если помощь какая нужна, так я с удовольствием.

– Ольга Степановна, – косясь на Женьку, решилась я задать вопрос. – Мы дом осматривали, так одна дверь почему-то заколочена.

– Это еще Лева покойный заколотил. Там пол провалился. Подгнил пол совсем, Кузьмич пошел да ногой промеж досок застрял, чуть не сломал ногу-то. Вот и заколотил, чтоб, значит, не ходить туда. За таким домом смотреть надо, а на ремонт денег-то не было, так, залатает кое-как… Нанимать дорого, а сам-то Лева не особо рукастый был. А уж как помер, так и вовсе беда, Кузьминична сама-то что сделает? Вон забор упал совсем, доски на крыльце менять надо… так уж доживала подруга моя, как есть, царство ей небесное.

– А кем ее брат работал? – спросила Женька.

– Зоотехником, здесь, в совхозе. Потом на инвалидность вышел, сердце у него прихватило, дали группу. А Кузьминична-то в правлении работала, тоже по инвалидности на пенсию пошла. Ноги у нее болели очень, в последнее время ходить стало совсем тяжело. Огород запустила, сил не было работать. На второй этаж уже не поднималась, только первым пользовалась. Ой, я ведь вам сказать забыла: и газ, и воду я перекрыла на всякий случай. Сейчас покажу. Тут газовая колонка. Пользоваться умеете?

Мы вторично совершили экскурсию по первому этажу, на этот раз под предводительством Ольги Степановны. Все показав и объяснив, она вместе с нами вышла на улицу. Ольга Степановна собралась домой, а мы отправились за вещами. Женька продолжала болтать с соседкой, а я решила перегнать машину ближе к крыльцу и с этой целью попыталась открыть ворота. Это оказалось нелегким делом. Я навалилась плечом, а ворота подозрительно накренились, готовясь рухнуть. Так бы, скорее всего, и вышло, не вмешайся соседка.

– Вы бы их не открывали, упадут, не ровен час, вместе с забором. А машину можно у меня поставить во дворе, там и навес есть. Зять, когда приезжает, свою машину ставит.

Предложение показалось мне разумным. Выгрузив из багажника вещи, мы перенесли их в дом, закрыли калитку и вместе с соседкой перегнали машину, поставив ее под навесом. Ольга Степановна предложила нам зайти в дом, выпить чаю, но мы отказались, сославшись на дела. Простились с ней и бодро зашагали по тропинке, любуясь панорамой реки.

– Знаешь, Анфиса, – со вздохом заметила Женька. – По-моему, разбрасываться родовыми гнездами действительно глупо. Что скажешь?

– Скажу, что у тебя на неделе семь пятниц.

– Нет, в самом деле. Лес, речка рядом, опять же какой ни на есть, а собственный парк. Детям будет где поиграть.

– Прежде чем детей заводить, не мешало бы выйти замуж.

– Можно завести детей и без мужа.

– Это не твой случай, – отрезала я.

– Почему не мой?

– Потому что гладиолус.

– Вечно ты со своими глупостями. Интересно, моя прабабка тоже здесь жила?

– Наверное. Ты же сама слышала: дому сто пятьдесят лет.

– Вот именно. А ты говоришь – продать.

– Я говорю? – возмутилась я.

– А кто?

Я махнула рукой, не желая спорить, по опыту зная, что это бесполезно. Мы вернулись в дом. Пока Женька разбирала сумки, я позвонила мужу.

– Как наследство? – проявил он интерес.

– Произвело впечатление. Евгения Петровна собирается здесь детей растить.

– У нее есть дети? – удивился Ромка.

– Надеюсь, когда-нибудь будут.

– Дожить бы до счастливого мига ее материнства. Только пусть сначала замуж выйдет, не то ее дети будут околачиваться у нас, я этого не переживу.

– Не драматизируй. А вообще мне здесь нравится. Лес, речка и дом такой… необычный, – я с трудом нашла подходящее слово.

– Чем необычный? – спросил Ромка.

– Старый. Соседка сказала, ему сто пятьдесят лет. Представляешь? Чего он только не повидал…

– Да уж… ладно, я рад, что тебе там нравится. Отдыхай, набирайся впечатлений. И жди меня.

– Конечно, милый, – мурлыкнула я, и мы простились.

– «Конечно, милый», – передразнила Женька. – Назвать Ромку «милым» можно только в припадке буйного великодушия. Аллигатор. Нет. Кинг-Конг.

– Прекрати говорить гадости о моем муже, – возмутилась я.

– И за что ты только его любишь? Должно быть, в Ромке масса скрытых достоинств, которые глазами не увидишь.

– Женя, – фыркнула я.

– А что я такого сказала? Могли бы поболтать о твоем женском счастье, я бы позавидовала, глядишь, тоже бы замуж захотелось.

– Займись ужином, а я буду окна мыть.

Женька принялась готовить, а я мыть окно тут же в кухне, подружка продолжала развивать мысль о скрытых Ромкиных достоинствах, а я закатывала глаза и один раз даже плеснула в нее водой.

Поужинав, мы убрали со стола, и я внесла предложение:

– Давай разделимся. Продолжай уборку на кухне, за тобой еще холл и веранда. А я займусь спальнями. Думаю, нам лучше устроиться на ночлег на втором этаже. В теткиной спальне как-то неудобно.

– Почему? – насторожилась Женька.

– Так ее вещи, личные.

– А зачем нам две спальни? Хватит одной.

– Не хватит. Во-первых, ты лягаешься…

– Вот уж глупость…

– Во-вторых, – не слушая ее, продолжала я, – Ромочка приедет, так что тебе все равно придется переселяться.

– Ладно, – вздохнула Женька. – Спальни рядом, буду утешаться тем, что ты за стенкой.

– Собираешься перестукиваться?

– Ну, кто ж знает…

В кладовке я нашла еще одно ведро. Поднялась на второй этаж. Сначала вымыла окна, потом протерла пыль и постелила белье на кровати. Вслед за этим пришла очередь полов в комнатах и коридоре. Женька внизу гремела ведром и громко пела. Трудились мы самоотверженно, но закончили все равно ближе к ночи.

– Господи, как я устала, – плюхнувшись в кресло, простонала Женька. – Ноги гудят.

– Физический труд полезен, – усмехнулась я.

– Я помню: он превратил обезьяну в человека. И чего им на дереве не сиделось?

– Пошли пить чай на веранду.

Я поставила чайник на плиту, нашла поднос, собрала все необходимое и торжественно прошествовала на веранду, Женька плелась за мной. Распахнув дверь в сад, мы пили чай, любуясь звездным небом. Свет на веранде пришлось выключить, чтоб комары не налетели.

– Знаешь, Анфиса, в такой жизни есть свое очарование. Близость к природе и все такое… Надо хорошо подумать, прежде чем гнездо продавать.

– Да уж, подумай. Завтра найдем художника…

– Какого художника? – удивилась Женька.

– Я понимаю, у тебя сейчас сеанс медитации, но, может, ты на мгновение придешь в себя и вспомнишь, зачем мы сюда приехали?

– Я помню. Только художник здесь при чем?

– Девица – его секретарь. По ее словам, друг художника хочет купить дом. Вполне естественно с ним встретиться и кое-что обсудить. А еще попытаемся узнать, кто второй покупатель. Возможно, придется съездить в город…

– Ну, узнаем, и что?

– Вот когда узнаем, – наставительно изрекла я, – станет ясно, почему они вдруг заинтересовались твоим родовым гнездом.

– Потому что оно в хорошем месте и само по себе совсем неплохое. Здесь вполне можно жить, даже без ремонта. Такие дома на редкость крепкие, скрипят, ветшают, но держатся.

– Если так, то без проблем. Продашь его или внукам оставишь. А пока я хочу убедиться, что за всем этим ничего не кроется.

– Хорошо, давай убедимся.

За день мы так устали, что вскоре начали клевать носом. Вымыв посуду, поднялись наверх.

– Свет в коридоре не забудь выключить, – напомнила я.

– Лучше ты. – Женька повела плечами и стала оглядываться. – На ночь надо ставни закрыть.

– Зачем?

– А зачем люди их придумали?

– Наверное, от воров прятались.

– И мы спрячемся. Мало того, что я буду в одиночестве, так еще и все окна открыты.

– Ну, так закрой ставни в своей комнате.

– Лучше давай все закроем.

Я посмотрела на нее и рукой махнула. Пришлось спускаться на первый этаж, закрывать ставни. Потом Женька вместе со мной вошла в комнату, которую я выбрала для ночлега, огляделась и заявила:

– Твоя выглядит симпатичнее.

– Хорошо, давай поменяемся.

– Нет, лучше вместе ляжем.

– Женька, это твое гнездо, здесь твои корни и вообще… твой дом, твоя крепость. Иди и не зли меня. Если начнутся видения, стучи в стенку.

– До чего ж ты вредная. – Она ушла, а я почувствовала угрызения совести, но тут же себя успокоила: подруга так устала, что через пять минут будет спать мертвым сном.

Я нырнула под одеяло и закрыла глаза. Вдруг подумала о Ромке и тяжко вздохнула. Ничего, он на выходные приедет… Уснула я почти мгновенно, но спала недолго. Разбудил меня странный звук, как будто ветка ударила в ставни, хотя, может, просто ветер шумел за окном. Я открыла глаза и прислушалась, лежа в абсолютной темноте. За окном было тихо.

Я поднялась, прошла на ощупь к окну, открыла раму и испуганно замерла: стекла в раме звякнули, Женька, чего доброго, услышит и испугается. Из ее комнаты не доносилось ни звука, я очень осторожно распахнула ставни, подумала и оставила окно открытым. Это второй этаж, да и соседка сказала: у них здесь спокойно. Вернулась в постель, натянула одеяло до самого носа и вновь услышала тот же звук, а потом другой, на этот раз вроде звякнуло стекло, совсем как недавно в моей комнате. Звук шел откуда-то снизу. Снова шорох, а потом заскрипели половицы. Господи боже… вроде кто-то ходит. Женька? Вот уж чепуха, ей в голову не придет бродить ночью по дому. Может, в туалет захотела? Зная подругу, я вполне резонно предположила, что она бы меня разбудила. Снова скрип… Да что ж это такое? Спокойно, дом старый – вот и живет своей жизнью, скрипит, шуршит и звякает. Надо идти к Женьке, пока она не проснулась

и не начала вопить. Я приподнялась в кровати и вдруг увидела лучик света, который мелькнул в щели под дверью, мелькнул и погас. А вслед за этим скрипнула дверь. Я чуть не подпрыгнула от страха, услышав совсем рядом стук и не сразу сообразив, что это Женька стучит в стену.

– Анфиса! – заголосила она.

– Что ты орешь? – подала я голос, пришлось откашливаться, с перепугу я охрипла.

– Анфиса, по дому кто-то ходит. Это ты?

– Я сплю. И тебе советую.

– Анфиса, немедленно иди сюда, иначе я с ума сойду.

– Тебе надо – ты и иди.

– Анфиса, утром в доме будет труп. Помяни мои слова. Я уже практически скончалась.

Минуту назад я сама собиралась идти к Женьке, но теперь при одной мысли об этом покрылась гусиной кожей. Я заставила себя подняться, прислушиваясь. Тишина. Вздохнув, как перед прыжком в воду, я сделала несколько шагов и вновь услышала скрип двери. Женька отчаянно завопила.

– Да это черт знает что! – рявкнула я, решительно толкнула дверь и вышла в коридор. Он тонул в темноте, на лестничной клетке серым пятном выделялось окно, ставней на нем не было, и я отчетливо увидела на его фоне темный силуэт. Он мелькнул лишь на мгновение, но и мгновения оказалось достаточно, чтобы я едва не рухнула в обморок от ужаса. Спасибо Женьке, она вновь завопила и тем самым привела меня в чувство. Я бросилась к ней, влетела в комнату и включила свет.

– Анфиса, это ты, – простонала она, таращась на меня и прижимая руки к груди.

– А ты что подумала?

– Анфиса, здесь кто-то ходит.

– Перестань меня пугать, не то я тебя придушу. – Вид испуганной Женьки подействовал на меня самым благотворным образом: кто-то должен держать себя в руках. Вот я и перестала бояться, почти.

– Придуши, – сказала она. – Приму смерть от любящей руки, все лучше, чем мучиться.

Я оглядела дверь в поисках щеколды, но, как назло, ее не было. Подошла к кровати и легла рядом с Женькой.

– Анфиса, я, честное слово, слышала. Звякнуло, потом скрипнуло, потом шаги…

– Это я окно открывала.

– Окно?

– Ага. Душно в комнате, вот я его и открыла. И тут ты как заорешь… перепугала меня до смерти.

– Это правда ты?

– А кто, по-твоему?

– Ну, не знаю… в таких домах вполне могут быть привидения. Ему сто пятьдесят лет. Вдруг кто-нибудь из родственников угомониться не может, вот и шастает. Как считаешь?

– Это твое гнездо, и родственники твои, тебе лучше знать. Давай-ка спать, свет выключать не будем, чтоб твоя родня нас не доставала. Привидения не любят свет, это я знаю совершенно точно.

– И ты думаешь, что я смогу уснуть? – возмутилась Женька.

– А что ты предлагаешь?

– Анфиса, пойдем на улицу…

– Нет, ты точно спятила, – простонала я. – Что нам делать на улице?

– Погуляем. На звезды посмотрим. Нам, городским жителям, очень полезно погулять на свежем воздухе. А когда рассветет, вернемся.

Если честно, я очень сомневалась, что смогу уснуть. Тень, мелькнувшая на фоне окна, не давала мне покоя.

– Хорошо, пойдем. Только надо одеться потеплее.

Женька вскочила, достала себе кофту, мне ветровку, и мы, держась за руки, вышли из комнаты. Взгляд мой тут же переместился к окну над лестницей. Окно как окно, и никаких тебе силуэтов. Я прислушивалась, тут половица под нашими ногами скрипнула, и мы разом вздрогнули.

– Я не нарочно, – жалобно пискнула Женька. – Господи, где этот выключатель…

– Возле лестницы.

Наконец она нащупала выключатель, и мы облегченно вздохнули, когда вспыхнула тусклая лампочка.

– Надо везде свет включить, – пробормотала подруга. – Ой, что это? – Женька вновь схватила меня за руку и ткнула пальцем у себя над головой. Я пригляделась и впереди над лестницей увидела маленький крестик, нарисованный мелом. – Он здесь раньше был? – заволновалась она.

– Наверное, был, – пожала я плечами.

Мы спустились на первый этаж, включили свет в холле, Женька подошла к ближайшей двери и встала на цыпочки.

– Смотри, Анфиса, здесь тоже крест… и здесь… и здесь… – Она носилась от двери к двери, тыча пальцем в едва заметные изображения. – Они везде… – Подруга подошла к заколоченной двери и ахнула: – А здесь их целых три…

– Ну и что? – нахмурилась я. – Это же кресты, а не какая-нибудь чертовщина.

– Я тебя умоляю, не надо о черте в такой момент. По-твоему, это нормально, что весь дом крестами разрисован?

– Может, в этих краях так принято. Ты же хотела прогуляться, вот и идем. – Меня вдруг потянуло на свежий воздух.

Мы выскочили из дома. Глубокие душевные переживания не помешали мне обратить внимание на то, что дверь была заперта, а ключ торчал в замке, все так, как мы оставили. Оказавшись на улице, Женька вздохнула с облегчением, а я огляделась. Внезапно все наши метания по дому показались мне ужасно глупыми. Ночь была тихой, безлунной, от реки веяло прохладой, где-то внизу проехала машина. Я подошла к скамейке и устроилась на ней, запахнув ветровку, Женька села рядом.

– Который час? – спросила она тихо.

– Половина второго, – ответила я, взглянув на часы.

– А светает во сколько?

– Понятия не имею.

– Я тоже. Последний раз я встречала рассвет три года назад, но тогда было лето. Только стемнело и сразу рассвело. Мы даже не успели…

– Кто мы?

– А-а, один тип… Я тебе про него не рассказывала.

– Почему?

– Потому что он этого не заслуживал. Но у него была яхта. Ага. Самая настоящая. Мы стояли на палубе, пили шампанское и встречали рассвет. Романтика. Признаться, это единственное приятное воспоминание, все остальное на слабую троечку. Знаешь, Анфиса, когда мужчина много работает, некоторые жизненно важные функции приходят в негодность.

– И где он так натрудился?

– У него свой бизнес. Не хилый, надо сказать. Вот ведь какая участь у нас незавидная, хочешь денег, так фиг тебе женского счастья, хочешь счастья, так фиг тебе денег.

– Некоторые могут сочетать и то и другое.

– Твой Ромка только подтверждает мою теорию, у него не зарплата, а недоразумение. Зато со всем остальным, уверена, полный порядок.

– Спасибо, что сказала доброе о моем муже.

– Пожалуйста.

Женька засмеялась. И я тоже, радуясь, что глупые страхи нас оставили. Посидим немножко и пойдем спать. Только я подумала об этом, как Женька повернула голову, да так и замерла с открытым ртом. А потом начала вибрировать. Вместе со скамейкой. Так как я сидела рядом, то вполне естественно, что и меня стало потряхивать. Я устремила взгляд в том же направлении, но ничего, кроме веранды, не увидела, если не считать сада, тонувшего в темноте. Свет из окна второго этажа падал на веранду, и видно ее было довольно хорошо.

– Что опять? – вздохнула я.

– Анфиса, я только что видела, – промямлила Женька. – Что-то черное. И большое.

– С рогами?

Женька зажала мне рот рукой.

– Ведь просила же, не надо о нем ночью. Ой, мама дорогая, что ж это делается, в родном гнезде и такие нервы. Продам его к чертовой матери, тьфу ты… – досадливо плюнула она. – Нет моих сил больше здесь сидеть. – Женька вскочила и потянула меня к калитке. – Говори что хочешь, но там кто-то был, – бормотала она. – Я голову повернула, а оно шасть мимо веранды и исчезло. По-твоему, это нормально? В доме кто-то бродит, вокруг него тоже… А какие-то психи хотят купить этот рассадник привидений…

И тут меня озарило.

– Женька, а что, если это покупатель? – Мы как раз вышли за калитку, Женька замерла на месте и посмотрела на меня, как на сумасшедшую. Впрочем, может, она недалека от истины. – Ну, конечно, – вдохновенно сказала я. – Ты отказалась продать дом, и теперь нас просто пугают, чтобы ты убежала отсюда среди ночи и поспешила согласиться с их условиями.

– Анфиса, скажи честно, ты тоже его видела?

– Кого? – насторожилась я.

– Привидение. Или что там было? Черное и мелькает. Раз – и нет его.

– Не видела, – отчаянно замотала я головой, хоть и не любила врать подруге. Но эта ложь во спасение. Скажи я правду, и Женька в дом даже утром за вещами не войдет. Зато моя догадка теперь казалась мне единственно верной. Конечно, это кто-то из покупателей.

– А скрип слышала? – не отставала Женька.

– Я же тебе сказала, это я окно открывала.

– Ой, не ври, Анфиса, родной подруге врешь.

– Я не вру. Ладно… слышала, – вздохнула я. – Допустим, мы обе что-то слышали. А ты даже видела. Этому есть разумное объяснение. Должно быть. Потому что привидений не существует. А начнешь болтать глупости, получишь по носу. Разумное объяснение – это чокнутый покупатель. Он нас пугает. Остается выяснить, почему ему так необходимо купить дом. Ничего, вот Ромочка приедет, и им мало не покажется.

– А когда он приедет?

– В субботу.

– А раньше никак нельзя? До субботы еще дожить надо.

– Доживем.

– Вот гады… ну, ладно. Я вам покажу, как меня запугивать! – рявкнула Женька. – Анфиса, идем в дом, нечего нам по ночам шляться.

Я по опыту знала: если Женька разозлится, остановить ее может разве что локомотив. Сказать по правде, возвращаться в дом мне не хотелось, но я решила, что благой порыв подруги надо поддержать. Она решительно поднялась на крыльцо, я пропустила ее вперед и заперла дверь. Потом прошла на веранду, дверь и там оказалась заперта, на всякий случай я ее подергала, стекла слабо звякнули, и я осталась довольна. Маловероятно, что кто-то проник в дом.

Тогда кого я видела? Пока я размышляла над этим, мы поднялись на второй этаж и вскоре оказались в моей комнате. Женька внимательно оглядела шкаф и спросила:

– Как думаешь, мы сможем сдвинуть его с места?

– Зачем? – не поняла я.

– Надо бы дверь забаррикадировать. А окно закрыть.

– Хорошо, только ставни не закрывай.

Мы ухватились за шкаф и с третьей попытки смогли сдвинуть его с места, поднатужились и передвинули еще на полметра, теперь он наполовину закрывал дверь.

– Только суньтесь, – буркнула Женька, потрясая в воздухе кулаком. Потом прошла к окну, закрыла раму и с чувством выполненного долга забралась в постель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.